

В. Сергеев

ЗАГАДКА БОЛЬШОЙ ТРОПЫ

Иркутск 1959

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВ

Scan: Creativesh

Приключенческая повесть

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ

Гриша пробудился от острого чувства нетерпения. Было раннее утро. Паровоз отрывисто гудел в утреннюю тишину, однотонно стучали колеса. Мимо окна стремительно проносились сосновые перелески, редкие постройки, каменистая дорога, грузовая автомашина с зажженными фарами (шофер, видимо, забыл выключить свет). Проплыл поселок, за ним на бугре кудрявый лесок, весь из молодых березок, розовощеких в утреннем свете.

От сознания, что это не сон, что он на самом деле едет в геологическую партию, захватывало дух.

Вчера вечером отец помогал Грише нести на вокзал рюкзак, туго набитый вещами и продуктами в дорогу. Накануне в партии выдали аванс, и Гриша весь день носился по магазинам, покупая для себя все необходимое.

Поезд медленно отходил от перрона, омытого первым летним дождем. Рядом с вагоном шагал отец, постепенно отставая, и говорил:

— Ты матери-то напиши, как доедешь, а то ведь она изведется.

Но вот за водонапорной башней скрылась угловатая сильная фигура отца. Поезд уносит Гришу вперед, в новую жизнь.

Мальчик знал, что в одном поезде с ним должны находиться геологи Братовы Валентина Гавриловна и Павел Осипович, но вчера при посадке он не заметил их в толпе пассажиров.

Еще недавно в планах Гриши Смирнова на будущее геология не занимала никакого места, да и знал он о ней понаслышке и уж никак не предполагал, что судьба вскоре тесно свяжет его жизнь с геологической партией. Мысль устроиться работать на летние каникулы возникла отчасти из желания помочь родителям (у отца с матерью на руках пятеро детей, а он, Гриша, — самый старший), отчасти причиной тому послужила давняя мечта о покупке велосипеда.

Денег в семье на такую роскошь, как велосипед, не было, да и Гриша считал, что в его годы — полные пятнадцать лет — пора рассчитывать на свои силы.

Однако найти работу оказалось не столь простым делом: малолеток нигде не брали. Гриша уже было отчаялся в успехе, как ему неожиданно повезло. Начальнику геологической партии Братову долговязый русоволосый подросток с настороженными карими глазами чем-то понравился, и геолог решил взять Смирнова на лето маршрутным рабочим.

Гриша смотрел в окно и старался мысленно вообразить свое близкое будущее. Что за работа в партии, он не представлял себе и мечтал только о возможности увидеть диких зверей, о романтической жизни в палатке, о ночевках у костра, о тяжелых походах...

Да мало ли о чем можно еще мечтать, впервые уезжая из города в тайгу и горы.

...На станцию, где нужно сходить, приехали утром. В соседних купе еще спали. Несколько пассажиров, высадившихся из разных вагонов, казались сиротливо покинутыми. Вдоль путей оготело носилась рослая овчарка и лаяла вслед отошедшему поезду.

— Смирнов, иди сюда! — услышал Гриша голос начальника.

В числе пассажиров мальчик не вдруг узнал Валентину Гавриловну и Павла Осиповича Братовых: дорожные костюмы сделали обоих непохожими на тех геологов, какими он видел их в управлении. Особенно необычно одета Валентина Гавриловна: вместо платья на ней полосатая шерстяная кофта и легкие спортивного покроя брюки, на ногах не туфли, а ботинки. Она выглядит много моложе, чем в городе: глубоко надвинутая клетчатая шапочка (такие недавно вышли из моды у лыжников) закрывает три тонких линии морщин на широком лбу, а тень от большого козырька затушевывает сетку морщин под глазами. В яркий солнечный свет попадают только кончик носа, редкий золотистый пушок над верхней губой, плотно сжатые губы и крутой подбородок. Несмотря на серьезную сосредоточенность (Братова редко улыбается), лицо Валентины Гавриловны не оставляет неприятного впечатления: курносый нос смягчает суровую складку губ.

Павел Осипович в кирзовых сапогах и лыжном костюме стал как будто ниже ростом.

Возле Братовых куча рюкзаков, чемоданов и саквояжей. На одном из чемоданов насупившись сидит старушка в очках и пуховом платке; рядом на мягком саквояже полулежит спящий мальчик; второй мальчик, намного старше первого, стоит в стороне, заливчато сунув руки в карманы брюк.

От станционного здания послышался крик:

— Машина здесь за углом!

Валентина Гавриловна притронулась губами к розовевшим щекам и лбу спящего сына, подхватила его на руки. Мальчик не проснулся, только беззвучно прошепел что-то губами. Все направились к станции, лишь бабушка осталась сидеть на вещах. Гриша, слегка согнувшись под рюкзаком, шел позади Братова. За плечами у начальника тоже огромный рюкзак, руки заняты громоздкими чемоданами. Сзади, напугав Гришу, подбежала овчарка, ткнулась носом в ноги и понеслась дальше. Рядом шагал старший братовский мальчишка, он вынул руки из карманов и тащил корзинку, часто сменяя руку.

«Слабоват, — решил Гриша. — Хорошо хоть, не совсем белоручка, немного помогает».

Внезапно ручка плетеной корзинки оборвалась. Мальчик хотел подхватить за дно, но не успел — содержимое (бумажные свертки, лимоны, апельсины, конфеты и картонная коробка с надписью «Цветная тушь») рассыпалось между шпал.

«Вот раззява», — подумал Гриша, останавливаясь помочь неудачнику, который уже ползал на четвереньках, подбирая перепачканное добро. За коробку с тушью они ухватились одновременно и впервые посмотрели друг другу в лицо. Гриша едва не раскрыл рот от удивления — ему улыбалась сероглазая чуточку веснушчатая девочка. Растерявшись, он продолжал тянуть коробку на себя.

— Мальчик, отпусти, — попросила она, — если мы разобьем хоть один пузырек, мама убьет меня.

Гриша разжал пальцы.

— У тебя такая жестокая мама?

— О, да! — воскликнула девочка почти серьезно, только губы у нее чуть дрогнули в улыбке да в глазах

вспыхнули озорные искринки. — Тебя как звать? — спросила она.

— Гриша. А тебя?

— Наташа. — Толкнув коробку под мышку, девочка протянула руку. — Будем знакомы.

Уложить обратно в корзинку все не удалось, коробку с тушью Наташа оставила под мышкой. Корзинку понесли вдвоем. Разговаривать было не время: приходилось торопиться, остальные уже скрылись за углом станции. Та же овчарка подбежала к ним и сердито заворчала на Гришу.

— Байкал, не смей! — приказала девочка, и собака, оставив мальчика в покое, запрыгала вокруг нее, нетерпеливо лая.

Гриша на ходу рассматривал новую знакомую. Она была ловкая, подвижная и вовсе не походила на «раззяву», как он мысленно окрестил ее вначале. В дорожном костюме Наташа и впрямь похожа на мальчишку. Только кончики кос, чуть приметно выглядывающие из-под зеленой вязаной шапочки, пышные виточки светлых кудряшек на висках да особенные, мягкие линии в очертании подбородка и губ выдают в ней девочку.

Возле машины между Наташей и бабушкой завязался спор.

— Бабушка, ты поедешь в кабине, — решительно заявила девочка.

— Нет уж, милая, садись в нее сама. Вам, молодым, бензинные запахи любви, а мне и без того тошно ездить.

— Нет, бабушка, поезжай ты: я не хочу.

— А я вовсе не поеду, — рассердилась бабушка. Она, должно быть, всерьез принимала спор с внучкой, не замечая, что та просто озорничает.

— Наташа, перестань! — вмешалась Валентина Гавриловна. И по тому, как девочка сразу притихла.

Гриша понял, что матери она и в самом деле побаивается.

От станции в село Перевальное ведет проселочная дорога, да и той пользуются редко — нет особой нужды. Не проехали и двух километров, как начались неприятности. Вначале застряли в ложине. Здесь дорога пересекла зыбкую топь по старой гати. Надсадно гудел мотор, нагретые скаты скользили по грязи, разбрасывая хлесткие брызги мутной жижи. Машину вытаскивали все, кроме бабушки и маленького Игорька, Наташиного брата.

Широкая низина между двумя грядами отлогих сопок сплошь заболочена. Плохо наезженная дорога пересекала ее, причудливыми зигзагами вихляя между кочек и зарослей кустарника. Машина останавливалась почти через каждые сто метров. Пассажиры дружно прыгивали наземь. Наташа и Гриша шли ломать ветки и собирать валежник для настила под колеса. Все перепачкались. Жидкий ком грязи, вылетевший из-под колеса, угодил Наташе в лицо и густыми струйками расплылся по щекам и подбородку. Больше всех смеялась сама пострадавшая. На черном фоне замазанного лица девочки слепящей белизной сверкали зубы и белки глаз.

Свободно вздохнули, только достигнув подножия песчаных холмов. Здесь все умылись в ручье и заняли свои места в кузове (в кабине ехал Павел Осипович, держа на коленях Игорька).

Наташа не могла поймать Байкала — он, задрав хвост кренделем, довольный носился по лесу. Поехали без него. Пес бежал впереди ЗИСа, держа голову вполоборота назад, словно приглашал автомобиль потягаться в скорости, но быстро отстал и бежал следом, выдерживая одинаковое расстояние. Из разинутой пасти обрывком красной ленты болтался язык.

— Хитрый, выбирает место, где нет пыли, — заметила Наташа. В голосе ее слышалось явное восхищение.

— Как устанешь — скажи, — крикнула она Байкалу и с деланным равнодушием отвернулась. Но шутки шутками, а собаку ей было жаль, и поэтому долго смотреть по сторонам она не могла. Как только машина набавляла скорость, увеличивая разрыв между кузовом и собакой, Байкал нагонял автомобиль и, войдя в новый темп, бежал на прежней дистанции.

Наконец Наташа не выдержала и забарабанила в верх кабины. Машина остановилась на одну минуту, Байкал сам заскочил в кузов, по мешкам и рюкзакам пробрался к Наташе, разбрызгивая по сторонам слюну.

Желтая колея дороги тянется через сосновый лес: воздух вокруг настоен густыми хвойными запахами. Блики горячего солнца и синеватые тени ветвей, пересекающие полотно дороги, искристым ручьем несутся навстречу, запрыгивают на кабину, пятнами скользят по лицам и спинам людей и падают на вспыленную дорогу через задний борт кузова. Кое-где упругие ветки свисают почти до земли, хлещут в смотровое стекло кабины и неласково, колюче глядят пригнувшихся пассажиров по спинам.

— Головы! — подает Наташа сигнал опасности, и все нагибаются.

Гриша ловит ладонями ускользящую хвою сосновых веток и улыбается. Девочка знаком приглашает его занять место около себя.

Кузов нагружен почти вровень с верхом кабины. Ребята устроились рядом на тугих спальнях мешках, подставив лица теплым уларам встречного ветра.

Прищулив глаза, Гриша смотрит вперед, на раз-

двигающуюся перед ними стену леса. Город и все, что связано с ним, осталось далеко-далеко позади. Для Гриши начинается новая жизнь, непохожая на прежнюю.

От этих мыслей его отвлек восторженный возглас Наташи:

— Смотри, Гриша, горы!

С холма, на который взобралась дорога, внезапно открылся вид на горы. Поначалу они представились совсем близкими. Скалистые и снежные зазубрины их громадами поднимались над зеленой гладью леса и волнами сопок. А позади без предела лежала дымчатая и сиреневая даль, сплавленная воедино с бледно-голубой каймой нижнего края неба.

А потом, сколько ни ехали, — горы стояли все на том же месте. От них нельзя было оторвать глаз. Они поглощали все внимание, словно гипнотизировали своей дикой, неотразимой красотой. Щемило сердце от радостной мысли, что едешь туда, к ним.

А машина все катится и катится, то ныряя в провалы долин, то тяжело вползая на холмы. Черная крыша кабины накалилась, к ней нельзя притронуться рукой.

В середине дня приехали в небольшое село. Здесь остановились на обед.

Когда выехали из деревни, зной уже спал. Наташа и Гриша заняли прежние места. Они чувствовали себя давнишними знакомыми. Они уже многое узнали друг о друге. Наташа закончила седьмой класс, Гриша — восьмой.

— Как ты сдал экзамены? — поинтересовалась девочка.

— Да так. Не очень, — признался Гриша. — По русскому и по физике тройки

— Это не беда, — утешила Наташа, — лишь бы

перевели. — Не сама не утерпела, похвасталась: — А я все на пятерки сдала.

И, чтобы это звучало не слишком хвастливо, поспешила добавить:

— У нас многие хорошо сдали: не сильно придирались.

...Конец пути сходили в темноте. Впереди ЗИСа бежал небольшой треугольник света, выхватывая из мрака стоящие по сторонам сосны. В кузове все спали или дремали, кроме Наташи и Гриши. Они смотрели вперед на еле видимые при луне далекие очертания гор.

Наконец Перевальное. Машина взобралась на последний холм перед деревней. Показались окраинные домики, вынутые из темноты светом фар. В окне одного из них вспыхнул огонек и сразу погас, тотчас такой же огонек зажегся в окне соседнего дома и тоже потух — это стекла отражали свет приближающегося автомобиля.

Село давно спит. Тихое, задумчивое, стоит оно на берегу ревущей речки. Луна повисла над зазубринами гор. В ее свете хребет кажется ниже, он словно отодвинулся вдаль.

Спать Гриша устроился на сене в сарае. В широкие щели светит луна, совсем неподалеку незнакомо шумит река. Гриша никак не мог уснуть. Быстрее бы кончалась ночь, да посмотреть на реку, на горы, а главное, скорее дальше в путь — к горам, в гущу настоящих приключений. К чему только ночь такая длинная?

Почти рядом с ним кто-то тяжело вздыхал. Эти вздохи напомнили о матери.

«Надо будет завтра написать открытку», — подумал он. На письмо не хватит слов. Дома все равно не поймут, как он счастлив сейчас, какое нетерпение и жажда неизведанного сладко раздражают его.

Уже засыпая, он догадался, что вздыхает рядом с ним в стайке корова. Она вздыхает тяжело, протяжно и удивительно человечно, как могут вздыхать только старые люди.

ДОМ ПОД КАМЕРАЛКУ

Д ля партии нужно найти помещение под лабораторию. Павел Осипович с утра решил сходить в сельсовет узнать, можно ли на селе арендовать дом, а заодно поискать среди жителей еще одного проводника. Во дворе он увидел Гришу. Мальчик смотрел в сторону гор.

— Гриша! — окликнул его Павел Осипович. — Ты уже позавтракал?

— Да.

— Хочешь прогуляться со мной?

Павел Осипович с головы до ног оглядел шагающего рядом подростка и снова, как при первой встрече, подумал: «А для своих лет он довольно крепок».

Братов решил, что пора подробнее познакомить Гришу с обязанностями, какие ему придется выполнять в партии. Надо чем-то завлечь его, чтобы трудности походной жизни не показались мальчику сразу слишком мрачными. Начальник и позвал Гришу в надежде дорогой потолковать.

Сельсовет оказался неподалеку.

Их встретил председатель сельсовета Николай Алексеевич Речинов, худощавый мужчина средних лет. У него чисто выбритое скуластое лицо, в котором по разрезу глаз угадывалась дальняя монгольская линия предков. Он сам подвинул стулья для гостей ближе к столу, сел напротив, поставив локти на старый массивный письменный стол, и выжидающе поглядывал на посетителей.

Павел Осипович назвал себя и сказал:

— Нужна ваша помощь. Ищем дом под лабораторию в аренду на лето.

Председатель задумчиво поглядел на потолок, за чем-то шевеля сухими бескровными губами. Гриша видел в окно, как по широкой улице мимо дома на иззаседланных лошадях галопом проскакали два мальчика. Он с завистью поглядел вслед им. Сидеть на стуле в просторной пустой комнате с плакатами на стенах и слушать деловую беседу взрослых не очень-то весело. Но скоро разговор заинтересовал.

— Есть один пустой дом, — сказал наконец Речинов. — Но... знаете, у нас здесь многие еще верят во всякую чушь: в чертей, в ведьм, в привидения...

Он замялся, видимо затрудняясь, как объяснить новому человеку положение вещей.

— Что за дом?

— Дом братьев Елизовых. Их двое: Степан и Роман. Роман всю жизнь бобылем прожил, а у Степана до войны жена была и сын, только ушли они оба от него, в город уехали. Дом он свой бросил, заколотил

окна и двери, перебрался к брату. Так и живут вдвоем.

— Хороший дом-то?

— Ладный, пятистенный. Да вот у нас недобрые слухи идут про него. Бабы и детишки под вечер мимо ходить боятся.

— А что так?

— Шорник наш Васька Политаев как-то рассказывал, будто ночью в доме Степана Елизова огонь увидел. А дом-то в ту пору уже пустовал. Ну, ему и в интерес стало: кто это там среди ночи огнем светит. Подобрался к завалинке да и заглянул в ставень. И, должно, почудилось ему со страху. Прибежал домой еле живой. Жену перепугал. А потом, как отошел, возьми да и сбrehни, будто видел, как в доме на полу покойный Иван Елизов с чертом в карты играл. Народ быстро подхватил, и пошло по селу. Нашлись и еще такие, кто по ночам в доме огонь видел. Другому ведь сбrehать — одна утеша. Раз ночью собрались наши комсомолы да вошли в дом. Ну, конечно, ничего там нет. Только Степан, как узнал про это, озлился. Прибегал в сельсовет жаловаться. Предупредил: если еще кто ночью будет шариться в его доме — пристрелит. Больше не ходят туда. Степана боятся. Он у нас смурый.

— Что ж, для нас привидения — не помеха, — улыбаясь, заверил председателя Павел Осипович. — Вы расскажите мне, как найти этих Елизовых.

— Прямо на бугре, вон за тем домом, что с белеными ставнями.

Речинов отошел от стола и показал рукой в окно.

— Да я, пожалуй, проведу вас, — решил он.

Пока поднимались на бугор к дому братьев, председатель рассказывал:

— Елизовы у нас на селе лучшими охотниками были. Больше всех белки добывали.

— А сейчас?

— Да вот уже лет пять как не ладится у них дело.

— Бросили охоту?

— Какой бросили — из тайги не выходят и лето и зиму. Вовсе одичали, только вот зверь на них не идет больше. Дом-то вот этот будет, — указал он на похилившийся большой пятистенный дом с заколоченными ставнями.

Дом стоял на отшибе. Сразу за ним начинался кустарниковый лесок, куда убегали овечьи тропки. Забор вокруг двора развалился. Мрачная пустота заброшенного жилья поразила воображение Гриши. Ему уже рисовалась увлекательная тайна. В самом деле, в таком доме только привидениям и водиться. Павел Осипович немного задержался и внимательно осмотрел дом. Открыли скрипучую калитку и прошли во двор. Двор зарос крапивой и полынью. Дверь в дом заделана накрест приколоченными плахами. Даже ход на чердак забит досками.

Небольшой дом Романа стоял под бугром, тоже на окраине деревни. По размерам он больше походил на курятник, чем на человеческое жилье. Странно, почему это братья забросили просторный дом и поселились в избенке?

— Есть кто дома? — спросил Речинов, отворив дверь.

Никто не отозвался.

— Нету, что ли, никого? — снова спросил он, переступая порог.

— Проходи, коли уж вошел, — слышался изнутри не очень-то гостеприимный голос хозяина.

Вошли в полутемную избенку. Большую часть ее занимала огромная русская печь. Два окна, из которых половина стекол выбита и заменена досками и фанерой, давали мало света, хоть и были обращены в солнечную сторону. Половицы перекошились и скри-

пели под ногами. Около стенки под окнами стояла широкая лавка, рядом с ней неуклюжий стол; в переднем углу закопченные образа, под ними древний, обитый жестью сундук. Кроватей не было. Их заменили полати, пристроенные над печкой под самым потолком.

Братья, удивительно похожие друг на друга, оба бородатые, с квадратными плечами, одинаково сутулые, внимательно смотрели на вошедших. Один из них сидел на сундуке лицом к окну; в руках он держал ичиги и иголку с дратвой. Второй за столом на лавке заряжал патроны к берданке. В доме пахло табаком и потными портянками.

— Здравствуйте, хозяева! Добрый день! — одновременно приветствовали Речинов и Брзтов.

— Присаживайтесь, где стоите, — предложил один из братьев, тот, что сидел на сундуке, а сам, не глядя на гостей, продолжал свое дело. Взял иголку в губы, отчего лицо его сделалось сосредоточенным, достал с подоконника шило и не спеша стал прокалывать дыры в подошве.

— Мы к тебе, Степан, по делу, — сказал Речинов.

— Ну, рассказывай. — Степаном оказался тот, что заряжал патроны.

— Дом у тебя без толку пустует. — Оба брата подняли головы и, как показалось Гришке, недружелюбно поглядели на председателя. — Сдал бы ты его в аренду геологической партии на лето.

— Кому это? — спросил Степан.

— Да вот ему, начальнику партии. Дом-то зря разваливается.

— Не ты строил, не тебе и жалеть.

— Так-то оно верно, — согласился Речинов. — Да ты о людях подумай. Им дом нужен. Для пользы будет.

— Кому польза?

— Мы вам за аренду хорошо заплатим, — решил вмешаться в разговор Павел Осипович. — И дом отремонтируем: окна вставим, щели законопатим...

«Видно, хозяева мужики зажимистые», — подумал он про себя.

— Нам в том доме не жить. И этого за глаза.

— Ну так и дело с концом, — быстро проговорил Речинов. — Сразу и решим: сколько вам положить на лето?

— Нисколько не нужно.

— Так-то оно и лучше.

— В дом я никого не пущу. Вот и весь сказ мой.

— Эх, какой ты, — сокрушенно покачал головой Речинов.

Павел Осипович вздохнул:

— Ну что ж, если так, придется в другом месте искать.

— Зачем же в другом месте, — возразил председатель сельсовета. — Дом ведь зазря пустует. Он. Степан-то, еще одумается.

— Мне думать неча.

— Ну, хорошо, — согласился Павел Осипович. — Хоть и жаль.

Он решил подействовать на братьев по-иному.

— Может, кто из вас на работу к нам пойдет? — обратился он к Елизовым. Для партии нужны хорошие проводники, а про вас здесь слава как про лучших охотников.

— Это чего делать? — спросил Роман.

Если внешне братья ничем не отличались друг от друга, то по голосу их легко было узнать: у Степана громкий рокочущий баритон, Роман же говорил глухим, словно придавленным, басом.

— Работа простая, — объяснил Павел Осипо-

вич. — Сопровождать нас в тайге, следить за лошадьми, отыскивать тропы. Вы, наверное, здесь все пади знаете и по Каменной не раз ходили.

— А где вы собираетесь ходить?

— В верховьях Каменной, ну и в соседних речках тоже.

— А что делать-то или искать чего?

— Смотреть будем, какие камни здесь в горах, потом карту составим. Ну и золото искать станем тоже.

— Ишь ты! — глухо выдавил Роман. — Камни смотреть? А чего их смотреть: камень он камень и есть, хошь сколь на него смотри. Да и нешто по камням карту делают? А золота тут нету.

— Отродясь не бывало, — подтвердил Степан.

— Так вовсе и нету? — спросил Речинов.

— Вовсе нету. А то бы давно сыскали, охотников много ходит.

— А про Рудакова не слышал? — напомнил Павел Осипович.

— Как же, слышал. Только разговоры — не золото.

— А как же все-таки насчет работы? Пойдет кто из вас? А то и оба идите. Мы и двоих возьмем.

Братья переглянулись.

— Нет, не подходит это нам, — сказал Степан.

— Не наше дело, — подтвердил Роман и снова потянулся за шилом.

...Когда отошли от дома, председатель смущенно почесал за ухом:

— Вот он какой народец у нас тут.

— Что же, все такие?

— Нет! Где же все. Таких-то больше и не сыщешь. Пойдемте, я вам еще один дом покажу. В нем, правда, живут двое стариков. Ну да они к кому-нибудь пе-

реберутся. Сейчас лето — не зима, детей малых у них нет.

Павел Осипович посмотрел на Гришу и вдруг спохватился:

— Ты, Гриша, беги. Тебе, наверно, наскучило уже с нами. Побеседуем в другое время.

ДЕНЬ В ПЕРЕВАЛЬНОМ

Триша отправился разыскивать Наташу. Ему не терпелось рассказать ей о таинственном доме братьев Елизовых, и еще просто хотелось увидеть ее.

Наташу он нашел во дворе базы. Она стояла около сарая рядом с невысоким седеньким старичком, конюхом партии. Рядом нетерпеливо топтались лошади. Наташа держала под уздцы стройную гнедую кобылицу и поглаживала ее по морде. Лошадь пугливо косилась большими карими глазами, вздрагивала и шарахалась в сторону. Конюх, дедушка Васильев Кузьма Прокопьевич, держал за поводья еще трех лошадей. Кони были арендованы на лето в колхозе; их недавно пригнали из табуна. Раньше на них работали, но за время, проведенное на воле, лошади отвыкли от уздечек, упряжи и пугались людей. Их только накануне заново перековали. Все это были низкорослые монгольские лошадки, привычные к тяжелому труду и неразборчивые в корме. Лишь гнедая кобыла отличалась от всех своим изящным и поджарым телом.

— Гриша, где ты был? — крикнула Наташа, едва завидела мальчика. — Поедем на озеро коней поить.

Гриша вошел во двор и с опаской приблизился к беспокойно топчущимся коням. Он ни разу не имел дела с лошадьми.

— Не бойся, иди смелее. — В голосе Наташи вовсе не слышалось насмешки, просто она по-товарищески подбадривала. Но и этого было достаточно, чтобы Гриша с самым независимым видом подошел ближе, словно всю жизнь только и занимался лошадьми. Правда, при этом он тревожно посматривал на их сильные подкованные ноги. Он сделал попытку погладить Наташину лошадь по шее — та резко рванулась в сторону, так что девочка еле удержала в руках повод.

— Она пугливая, — предупредила Наташа и осторожно, плавным движением погладила напуганную лошадь, потом достала из кармана кусок сахара. Кобыла фыркала, косилась на руку — не решалась взять предлагаемое лакомство — и продолжала пятиться назад, туго натягивая повод.

— Она еще не пробовала сахару, — сказала Наташа. — Но я ее приучу. Сахар они любят. А еще лучше давать соль. Соль каждый конь ест. Я всегда так приучаю лошадей. Они меня потом узнают и сами подходят, не боятся.

Дед Кузьма разрешил ребятам прокатиться на конях к водопою. Можно было, правда, свести лошадей по крутой тропе к реке, но Наташа предложила проехать к озеру, там заодно можно и самим выкупаться. Себе Наташа выбрала гнедую кобылу.

— Ты бы, внучка, села лучше на Воронка: он по-смирнее.

— Ничего, деда, и эта будет послушной. Как ее звать?

— Да как — Гнедуха.

Гриша для начала решил сесть на смиренного Воронка. Взобраться на коня ему помог дед. Лошади были без седел, только занузданы. Держаться на подвижной спине коня без седла оказалось не простым делом. Грише сразу же пришлось вцепиться руками в гриву. Старый Воронок легким шагом затрусил вслед за удалой Гнедухой. Наташа держалась легко, привычно и могла даже всем корпусом оборачиваться назад. Пока выезжали со двора, она сдерживала рысистую кобылицу, но сразу же за воротами отпустила повод и легонько поддала под бока каблуками. Лошадь резво пустилась в рысь. Наташа пригнулась к гриве и довольная, разгоряченная, сияя глазами, оглянулась на Гришу. Воронок по своей доброй воле тоже перешел на тихую тряскую рысь. Гришу бросало вверх-вниз; он едва держался, вцепившись обеими руками в жесткую гриву.

— Эй, парень! Падать будешь — имайся за землю! — со смехом прокричали вслед ему деревенские ребяташки.

Отчаянными усилиями Грише удалось удержаться на спине Воронка. Падение с лошади посреди улицы было бы настоящим позором. У околицы Наташа держала свою Гнедуху и дождалась Гришу. Он подъехал красный от стыда и досады: Наташа, наверное, слышала, что кричали ему в деревне.

Озеро лежало в стороне от реки, километрах в двух, около подножья лесистого холма. Оно было невелико и питалось, по-видимому, родниковой водой. Доехали без приключений. Гриша-таки удержался на Воронке до конца. Прогулка не была ему в удовольствие: он с чувством облегчения спустился на землю. Наташа показала, как взнуздывать и разнуздывать коня.

Напоив лошадей, решили искупаться сами. Девочка первая вошла в воду и поплыла вдоль берега.

Плыла она довольно неумело. Это приободрило Гришу. Здесь-то он себя покажет. Он сразу заплыл на середину. В озере только самый верхний слой был нагрет, а ниже под ним вода оказалась холодной как лед. Гриша старался плыть, не сильно работая ногами, чтобы не взбалтывать с глубины холодную воду.

— Ты хорошо плаваешь, — сказала Наташа, когда оба вышли на берег.

— А ты здорово верхом едешь, — отдал должное Гриша.

Холодное купание и эта похвала утешили его.

— Ты тоже скоро научишься. Это не трудно, — заверила Наташа.

— А я тебя плавать научу. Хочешь? — великодушно предложил он.

— Конечно, только вот учиться некогда будет. Ты уедешь скоро, а меня здесь оставят с бабушкой. Смотри, кто-то сюда скачет, — указала она рукой в сторону деревни. — Вот здорово, во весь мах едут.

От деревни по каменистому полю приближались три всадника. Это оказались деревенские мальчишки. Видимо, у деда Кузьмы еще сыскались добровольные помощники. Раньше всех к озеру подскочил мальчик на сером коне. Паренек был примерно тех же лет, что и Гриша. Он легко соскочил с лошади и, сверкнув на незнакомцев белками глаз на загорелом скуластом лице, привычно разнуздal коня и подвел к воде. Двое товарищей его проделали то же. Первый, напоив коня, привязал его к дереву, проворно сбросил с себя штаны, рубаху и, оставшись в трусах, с разбегу врезался в воду. Резкими умелыми взмахами рук заплыл на середину озера. Там он несколько раз нырнул, потом исчез надолго и появился снова; шумно отфыркиваясь, он поднял вверх руку с зажатым в кулаке камнем и прокричал:

— Смотри, Колька, дно достал!

— Вот это да! — восхищенно выдохнула Наташа.

Гриша не отозвался. По его мнению, это было просто ребячеством. Вскоре пловец вышел на берег, сильно расплескивая руками воду. По бронзовому от загара телу стекали струйки чистой воды. Он казался крепким и стройным. Грише вдруг пришла в голову невеселая мысль о том, что скоро предстоит расстаться с Наташей на все лето. А у нее, наверное, отыщутся новые друзья из местных девочек и ребят. Возможно, среди них будет и этот бронзовотелый паренек, который так хорошо умеет ездить верхом и плавать.

Обратный путь Грише достался тоже нелегко. Они ехали вдвоем с Наташей, ребята остались на озере.

Гриша был рад, когда поездка, наконец, закончилась благополучно. Видимо, ему еще не раз придется попадать в смешное положение, прежде чем он освоит искусство верховой езды.

На время Гриша позабыл утреннюю встречу с Речинным, братьями Елизовыми и рассказ о необычайном доме. Но как только они возвратились на базу и передали лошадей в руки деда Кузьмы, мальчик сразу вспомнил, для чего он разыскивал Наташу. Хранить при себе такие сведения мучительно. Нужно обо всем рассказать ей немедленно и непременно наедине.

Они забрались в дальний затененный угол сеновала. Тысячи ярких пылинок суетились в воздухе, четкими неширокими полосами обозначая лучи солнца, проникающие в узкие щели тесовой крыши. Пахло залежалым прелым сеном.

Наташа слушала, затаив дыхание. В сумраке сеновала лицо ее казалось бледным, широко открытые глаза — полными внимания. Шутка ли, здесь, под боксом, рядом с ними, настоящий дом с привидениями. Пожалуй, появившись в селе живые марсиане, и те меньше бы поразили воображение ребят — ведь это было

бы так просто: прилетели с Марса. Но откуда взяться привидениям?

— Наташа, давай сегодня ночью сходим, — предложил Гриша шепотом. При этом он зачем-то оглянулся назад и почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки не то от страха, не то от нетерпения. — У меня есть карманный фонарик и охотничий нож.

— Хорошо бы у папки пистолет взять, — тоже шепотом проговорила Наташа. И, немного помедлив, сокрушенно добавила: — Только он его прячет от меня, даже в руки не дает. Да и нельзя мне: ночью из дому не выпустят.

Некоторое время ребята сидели молча.

— Вот когда папа с мамой уедут, останется одна бабушка, тогда другое дело — я ее и спрашивать не стану, — мечтательно произнесла Наташа.

— Одна пойдешь?

— Нет, Байкала возьму: с ним не страшно. И кого-нибудь из ребят сговорю.

Вот тебе и на. Это уж и вовсе не радовало Гришу.

«Меня-то тогда не будет здесь», — хотелось сказать ему, но он смолчал.

— Наташа, ты не знаешь, кто такой Рудаков? — спросил он.

— Рудаков?

— Ну да. Твой отец, когда ему сказали: «Золота у нас нет», — спросил: «А про Рудакова слышал?»

— Нет, не знаю.

Гриша решил, не откладывая, в эту же ночь пробраться к дому Елизаых. Может быть, ему удастся увидеть загадочные огни. Во всяком случае, он попытается заглянуть внутрь дома через щели ставен. Наташе он ничего не сказал о своей затее. Июньские вечера длинные. Гриша едва дождался темноты. Взял с собой фонарик и нож, бесшумно вышел из сарая.

Притихла деревня, освещенная луной; возле заборов и домов лежат густые тени. Монотонно, заунывно поет река; вдалеке брежут собаки; с окраины чуть слышится тарахтение движка электростанции. Кое-где окна домов ярко светятся; над крыльцом сельсовета тускло горит небольшая лампочка, освещая несколько ступенек.

Гриша пробирался по пустынной улице. В двух шагах от него в непроницаемой тени под забором кто-то пошевелился — это корова, напуганная его прибли-

женнем, сделала ленивую попытку встать на ноги, но снова улеглась и флегматично продолжала свою жвачку. Вскоре Гриша заметил, что в тени заборов и домов, а кое-где посреди улицы лежат коровы и козы (видимо не все хозяева загоняют скотину на ночь в стойку).

В другом месте мальчика окликнул строгий девичий голос:

— Петя, ты куда?

Гриша не отозвался.

— Это, наверно, не Петька, — негромко произнес мужской голос.

Завернув в переулочек, по которому они проходили утром, Гриша увидел дом, одиноко возвышающийся на бугре. При первом взгляде на него какая-то неуловимая деталь вдруг создала иллюзию обитаемости дома. Гриша застыл на месте. Долго приглядывался и, наконец, понял ошибку. Как раз над крышей на фоне черно-синего звездного неба повисло небольшое облако, и мальчик вначале принял его за дым, выходящий из трубы. Теперь же, когда он понял этот оптический обман, дом показался еще более злобным.

Гриша нащупал в кармане рукоятку ножа и, стараясь ступать бесшумно, пошел дальше. Остановился в конце переулочка. От Степанова дома его отделяла только пустынная широкая улица, заросшая травой. Свет луны падал на дом из огра-

ды, и стена, обращенная в улицу, находилась в тени.

Тишина.

Гриша собрался уже перебежать пустырь, как со стороны дома раздался неприятный резкий металлический скрежет. Этот звук пригвоздил мальчика к месту. Лихорадочно заколотилось сердце. Несколько минут Гриша прислушивался. Ничего подозрительного. Что это было? Идти дальше он не решался. Если бы вместе с ним был еще кто-нибудь, пусть бы даже Наташа, она хоть и девчонка, а вдвоем все лучше.

Наконец, пересилив страх, Гриша бесшумной рысью пересек улицу и скрылся в тени заплота, огораживающего Степанов дом. Теперь до стены дома оставалось несколько шагов. Гриша прокрался к стене и осторожно стал приближаться к крайнему окну. Вдруг он вздрогнул, и страх холодными струйками растекся по спине — из-под самых ног мальчика выскочила разбуженная коза. Она торопливо отбежала на середину улицы и с нахальным любопытством обернулась в сторону Гриши. Потом, гордо задрав рога, степенным шагом перешла через улицу и улеглась на новом месте. Гриша замер, прижавшись к бревенчатой стене; сумасшедше билось сердце, оглушающе стучал пульс в висках.

Долго внимательно смотрел Гриша на ближнее окно. Решительно сделал еще два шага и прильнул глазами к щели в ставне. Вначале он не видел ничего, кроме пугающей темноты, но, приглядевшись, различил неяркую полосу света, которая падала на пол комнаты из двери, ведущей, по-видимому, в кухню.

«Наверно, лунный свет», — подумал он. Но отчего свет становится ярче и ярче, словно у луны усиливается накал? «Нет, это не луна», — решил он.

Страх пронизывал холодом, заставлял немать кончики пальцев, гнал прочь от опасного дома — лю-

бопытство удерживало у окна. Вдруг он ясно слышал скрип половиц из дома и чьи-то тяжелые шаги. В то же время в полосу света вынырнула неуклюжая длинная тень, похожая на фигуру человека, но только с непомерно большим горбом. Донесся приглушенный говор. Тень колебалась и становилась то резче, темнее, то туманно расплывалась. Резким ударом по нервам прозвучал негромкий крик:

— Держи, держи! Вот черт!

Не помня себя, мальчик кинулся бежать. Лунный свет искажает очертания предметов: Гриша не заметил небольшой ямы под ногами, оступился и во весь рост вытянулся на земле.

Вокруг стояла невозмутимая тишина и только в ушах все еще гремел незнакомый тревожный голос:

— Держи, держи!

Гриша обернулся лицом к страшному дому: сквозь щели ставен во всех четырех окнах просвечивало яркое красноватое пламя. Послышался резкий треск — один ставень со стуком распахнулся, и из окна выскочили двое. «Привидения», — пронеслось в мыслях. Все происходящее начинало казаться нелепым сном, и только боль от ссадин на локтях была чересчур реальна для сновидения. Оба человека темными силуэтами замелькали вдоль забора и скрылись за углом.

Потом Гриша увидел их на бугре за изгородью. Там они на миг задержались и неожиданно исчезли, словно растворились в темноте.

А пламя тем временем длинными языками выплескивалось в окна и лизало крышу из прогнувшегося дранья. Это уже мало походило на волшебные огни.

«Пожар»! — сообразил Гриша.

Подтверждая его догадку, где-то за домами раздался истошный женский крик:

— Караул! Пожар!

А еще через минуту пустынная улица перед пылающим домом заполнилась народом. Гриша вскочил на ноги и незаметно для себя влился в толпу. Тут были мужчины, женщины, сновали ребятишки. Многие повыскакивали на улицу полуодетыми. Какой-то старичок протиснулся к дому и не то огорченно, не то, напротив, обрадованно сказал:

— Загорелась чертова горница!

В другом конце деревни слышались тревожные частые удары во что-то металлическое. Люди все прибывали и прибывали. Вокруг горящего дома образовалось вздрагивающее освещенное пространство, за пределами которого темнота была еще гуще. Все, кто подходил, появлялись из нее внезапно. Глаза у людей, ослепленные пламенем, казались огромными, а лица, все время меняющие очертания из-за колеблющихся теней, необычными. Многие в руках держали топоры, багры, вилы. Начали ломать забор. Разгоняя толпу сигналами, подъехала автомашина. На ней стояли бочки с водой, гремели ведра.

— Нечего тушить его. Нехай горит, — громко заявил кто-то.

На крышу ближнего дома взобрались добровольцы, держа наготове ведра с водой, — следили, чтобы огонь не переметнулся на другие избы. К счастью, стояло полное безветрие. В стороне от всех Гриша увидел угрюмое лицо одного из братьев Елизовых, но кого именно, не мог сказать. Елизов безучастно смотрел, как полыхала постройка. Под ногами людей вертелись вездесущие собаки. Среди них Гриша приметил Байкала.

Пожар так и не смогли затушить. Гриша протолкался в хороводе зевая до рассвета. От угрюмого дома остались только тлеющие головешки, когда

мальчик, усталый и возбужденный, возвратился на сеновал. О своем ночном приключении он никому не рассказал: боялся — не поверят.

* *

*

На следующий день в деревне только и было разговоров, что о ночном происшествии.

— Дедушка, а правда, будто в этом доме по ночам черти водились? — с затаенным смехом в глазах спросила Наташа у конюха Васильева.

— Ты, внучка, не смейся. Не гоже над этим смеяться.

— Я не смеюсь, деда.

— По глазам вижу.

— А кто же дом поджег? — снова спросила она.

— Зачем его поджигать. Сам сгорел.

— Как же может сам загореться?

— Да уж так. Пришло время и сгорел.

Больше от деда ничего нельзя было добиться. И в деревне многие, особенно старики, склонны были думать, что дом загорелся по причине, к которой люди не причастны. Ночной пожар особенно никого не огорчил. Даже Степан Елизов проявил полное равнодушие.

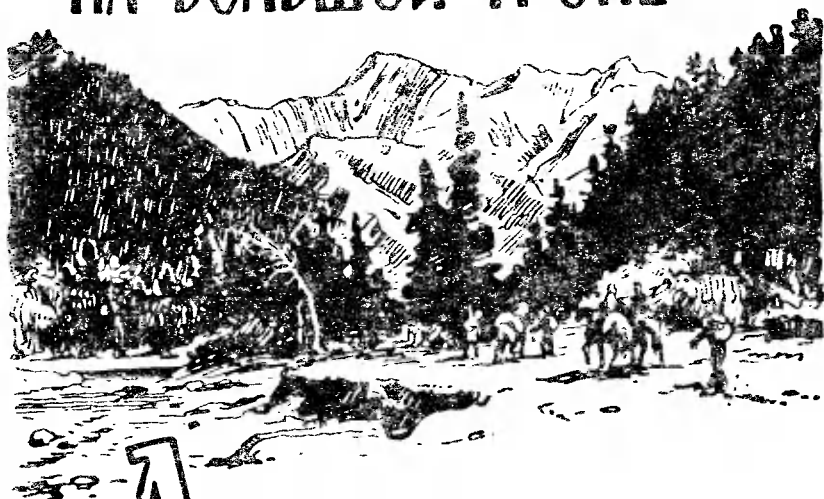
— Что, дом-то сгорел? — спрашивали у него.

— Сгорел, стало быть, — равнодушно отвечал он так, словно ничего другого и не ожидал.

Пожалуй, один только Гриша знал чуточку больше других.

НА БОЛЬШОЙ ТРОПЕ

Л

иния деревянных столбов с электропроводами обрывалась у молочной фермы, в трех километрах за южной окраиной Перевального. Здесь граница цивилизации: дальше в горы уходит только конная тропа — знаменитая Большая тропа. Когда-то все село кормилось ею: парни сызматства водили в Монголию и Китай обозы низкорослых монгольских лошадок, груженных разными товарами. Постройка железной дороги нанесла непоправимый ущерб жителям Перевального: все товары пошли другим, быстрым и дешевым, путем. Пахотных земель вокруг села нет, но старожилы не захотели покидать обжитых мест: кто стал разводить скотину, кто занялся охотничьим промыслом. О былой славе села помнят немногие.

Впереди ехали Павел Осипович и конюх Васильев, сзади всех коллектор Прагин и вновь нанятый рабочий. Остальным места в караване не определены

строго, только наказано следить друг за другом, и, если нужно почему-либо задержаться, предупредить товарищей. Единственный новичок в путешествии Гриша, все остальные — люди бывалые. Даже Наташе трехдневная прогулка верхом через тайгу и горы не в диковинку. Накануне она выплакала-таки у отца разрешение на поездку. Правда, с первым же обратным рейсом она должна возвратиться в село. Отец нередко делал и раньше для дочери подобные уступки.

Гриша сидел на знакомом уже Воронке, который отличался покладистым норовом.

— С него хоть шкуру напроць снимай — он и ухом не поведет, — говорил дедушка Кузьма.

Однако это мало утешало: снимать шкуру Гриша не собирался, а сидеть поверх выюка из четырех спальных мешков неудобно. Мальчик все время опасался, как бы не свалиться. К тому же седло выючное, без стремян. Вначале Гриша обеими руками держался за переднюю луку и вовсе не трогал повод — благо Воронок не сбивался с тропы. Впереди на гнедой кобыле ехала Наташа. Сейчас Гнедуха особенно выгодно отличалась от остальных коней. Все они толстые, низкорослые, неуклюжие, с тяжелой поступью и тихой тряской рысью. А лошадь под Наташей шагала ходко, хотя выюки на ней не легче, хорошо слушалась узды и радостно переходила на легкую гарцующую рысь.

— На ней до прошлого года председатель колхоза ездил. А сейчас что-то подумал, взял себе каурого жеребенка, — сообщил дед Кузьма.

Через час-два Гриша освоился и сидел свободнее. Он уже сам управлял Воронком, мог поправить сбившуюся под сиденьем телогрейку, оглянуться назад, отвести рукой ветки, перегораживающие тропу. Верховая езда начинала казаться несложным и даже приятным занятием. А главное, мальчик мог уже смотреть

вокруг, на что вначале у него не оставалось времени. Все внимание поглощалось стремлением удержаться в седле, не упасть. Тропа то выходила на самый берег, то ныряла в чашу кустов, и нежная душистая хвоя лиственниц мягко гладила руки и лицо. Смолистый аромат леса, смешанный с теплым погным запахом лошадей, казался приятным, необходимым так же, как окружающие скалы и говорливая река.

Путешествия всегда захватывают. Хочется как можно быстрее увидеть то, что скрывается впереди, за очередным поворотом тропы, за гребнем крутого холма, увидеть снова похожие, но совсем иные скалы, другие ручьи, озера, лиственницы, кедры, замшелые камни... Эта жажда видеть и знать новое сильнее любой другой страсти. Она-то и рождает неугомонных путешественников и исследователей.

Нередко приходилось всем спешиваться и идти, держа коней в поводу. В одном месте понадобилось провести лошадей по узкому уступу над отвесным обрывом к реке. Пугливым коням надевали шоры-наглазники из сыромятной кожи. Тропа делалась все труднее, а долина реки — уже. Порой казалось, что дальше пути нет и река выбивается прямо из-под сдвинутых вплотную скал. Но шаг за шагом приближались к тупику, и вдруг открывался поворот, откуда вырывалась река.

Байкал с утра неугомонно носился по лесу. Его лай слышался то в одной стороне, то в другой. Но под вечер пес становился равнодушным к писку бесчисленных бурундуков и каменюшек, не обращал внимания на заманчивые запахи свежих следов, а устало брел под ногами Гнедухи.

Мысли Гриши занимал таинственный ночной пожар. Кто были эти двое и зачем они подожгли дом? В привидения Гриша не верил. Неужели все это останется неразгаданным?

В редких местах, где тропа позволяла, Наташа и Гриша пускали лошадей рядом. Гриша не удержался и рассказал о своем ночном приключении.

— И ты ни слова мне, — упрекнула его Наташа. — А еще говоришь: давай дружить. Дружья ничего не должны скрывать друг от друга.

Гриша не отвечал: упрек Наташи был справедливым.

— Ну хорошо, — решила девочка, — с этого дня мы ничего не станем таить один от другого. Согласен?

— Согласен.

На некоторое время им пришлось разъехаться, но как только появилась возможность, они опять были рядом.

— Ты не боялся пойти один? — возвратилась Наташа к прерванному разговору.

— А чего бояться?

Гриша сейчас сам искренне верил, что вел себя в ту ночь бесстрашно.

— Я бы одна не пошла ночью, — призналась Наташа, — разве с Байкалом.

Чаще Наташа ехала впереди; Гриша с легким чувством зависти смотрел на нее, уверенно сидевшую в седле.

Валентина Гавриловна почти все время держала своего пеганого коня неподалеку от Наташиной Гнедухи, и Гриша нет-нет да и перехватывал ее внимательный взгляд. Видимо, она беспокоилась за Наташу, не очень-то полагаясь на ее кавалерийские навыки, но не хотела докучать дочери постоянной опекой.

Оказывается, верховая езда тоже утомляет, особенно с непривычки. В конце дня, соскочив с седла, Гриша едва не вскрикнул: от неожиданной боли у него подкосились ноги. Первые шаги сделал неуверенно, казалось, расслабь немного мышцы — и упадешь на землю, подмяв под себя непослушные, войлочные ноги.

Стараясь не показать, как ему нелегко, Гриша делал все, что полагается: разнуздал Воронка, развязал веревки и сбросил на землю спрессованные за дорогу спальные мешки. Седло снимать сразу нельзя, нужно только ослабить подпруги.

Остальные устали, по-видимому, не меньше: все молчат. Один лишь Николай, рабочий, нанятый в Перевальном, бодро покривает:

— Живее, Петр! Нашел топор?

Немного погодя, в другой стороне снова слышен его голос:

— А ну, держись, милая!— Это относится к сухой соске. Мелодично звякнул топор, струнным гулом отозвалась сухостойна, и звонкие удары зачастили в сумеречной тишине.

Через полчаса на высоком сухом берегу речки рядом выстроились три брезентовых палатки; в нескольких шагах от них из трескучего костра в звездное небо всеором сыпались горячие искры, а в ведрах, подвешенных на тагане, закипала вода.

Спать и есть хотелось почти одинаково, но после ужина отупляющая усталость исчезла, и все задер-

жались у огня. Костер теперь горит ровно, не бросая на ветер искр; жарко тлеют толстые головешки, дрожат синеватые языки пламени, тихо попискивают струйки горячего воздуха, вырываясь из сердцевины поленьев.

Конюх Кузьма Прокопьевич Васильев примостился ближе к огню чинить прошлогодние уздечки. Наташа притулилась головой на колени матери; нагретое жаром костра лицо ее раздумянилось, и все веснушки на щеках погасли. Можно подумать, что она спит: веки опущены, лишь в крохотные щелки поблескивают глаза, отражая нервные взлеты пламени, а на губах, словно забытая, осталась улыбка. Валентина Гавриловна не выглядит усталой, она легонько покачивает голову дочери и тонким прутом щекочет ей щею. Наташа сонно отмахивается рукой и просит:

— Не надо мама. Ну, не надо же.

Рабочие, Николай и Петр, молодые парни, оба из Перевального, сидят напротив Гриши. Петр помогает конюху чинить старую упряжь, Николай пытается выстрогать веселку для повара, но получается она у него неровная, корявая.

Еще сегодня утром в первой ночевке в тайге Гриша только мечтал, рисуя воображением костер, темноту, прохладу, лесные шорохи, однозвучный шум реки... А сейчас все это сбылось наяву, и уже нельзя представить себе, как все могло быть иначе.

От первого костра не хочется уходить.

— Завтра раненько тронемся в путь, — предупреждает Павел Осипович. Он снова стал похож на того человека, каким Гриша знал его в городе: те же серые глаза с морщинистым прищуром, подвижные брови, глубокие пролысины, отходящие ото лба в волосы, и знакомая улыбка на сухих губах.

— Дедушка, ты бы про рудаковский клад рассказывал, — предложил Николай, обращаясь к Васильеву.

— Рудаковский клад?—переспросил Братов с явным интересом.

— Нет, нет, — решительно воспротивилась Валентина Гавриловна, — пора спать.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧАЛИСЬ

В палатке ночевали четверо: Николай, Петр, коллектор Прагин и Гриша. Виктор Прагин, несколько полный для своих двадцати двух лет юноша, широкий в плечах, круглолицый. Сочные мясистые губы, крупный нос и всегда немного припухшие подглазья и веки придают ему вид добродушного покладистого парня. Светлые волосы, голубые глаза, редкие белесые брови и ресницы лишают его лицо выразительности. В движениях он медлителен и мастерски умеет находить предлог увильнуть от работы: то начнет переобуваться, когда остальные выючат лошадей, то начнет разыскивать потерянную вещь, тогда как другие ставят палатки и заготавливают дрова на костер. Этому никто не удивляется: леньность Виктора всем известна и давно вошла в поговорку.

Про него рассказывали такой анекдот. Однажды около костра сидел один Виктор и, по обыкновению растопырив пальцы, грел руки над огнем. Рядом су-

шила одежда маршрутников. Кто-то из сидящих в палатке почуял запах гари.

— Виктор, посмотри, кажется, чьи-то носки горят.

Через минуту послышался спокойный ответ:

— Это не носки, а портянка.

Виктор так и не пошевелился, чтобы спасти горящую вещь.

Если кто-нибудь делал ему замечание: «Ох, и ленив же ты», коллектор не обижался, только отшучивался: «Это не единственный мой недостаток».

Настоящее приключение случилось неожиданно скоро.

На второй день пути место для ночлега выбрали на высоком лесистом острове, отделенном от крутого склона долины сухой каменистой протокой. До ужина не успели натянуть палатки, а в темноте не хотелось.

— Переночуем так,—предложил Виктор. Остальные согласились. Небо было ясное, звездное и не предвещало ненастья.

Заметив, что они располагаются спать у костра, Павел Осипович спросил:

— Что, решили без палатки ночевать?

— Да. Так переспим — ночь теплая.

— Вот что, дорогие мои, — серьезно и, как показалось Грише, сердито сказал начальник. — Сейчас же поставьте палатку, и впредь без подобных фокусов. Знакомая затея, — заключил он, глянув на Виктора.

— Какое ему дело? — ворчал Виктор, когда они в темноте начали разбирать брезентовую палатку. — Ночь теплая — где нравится, там и спим. Я назло лягу не в палатку.

...Среди ночи Гриша пробудился от осторожного шороха, который примешивался к непрерывному шу-

му реки. Лежа с открытыми глазами, он долго вслушивался в эти мягкие звуки, напоминающие невнятный шепот, и наконец понял: шелестят капли дождя, ударяясь о натянутый брезент. Скоро в палатку заполз Виктор и тяжело, сонно дыша, расстелил сбоку свой мешок.

— Кто думал, что будет дождь. Вечером так ясно было, — проговорил он.

Сквозь сон Гриша слышал, как капли все звонче и чаще ударяли по брезенту.

Уже под утро обитателей палатки разбудил встревоженный голос Павла Осиповича:

— Подъем!

Это было несколько необычно — раньше начальник сам не будил. Дождь неистово хлестал по крыше палатки. Не хотелось расставаться с уютным теплом спального мешка.

— Кой черт надумал такую рань будить? Неужто он и в дождь думает ехать? — проговорил Виктор, не вылезая из мешка.

Петр, Николай и Гриша, не торопясь, начали одеваться. Выходить под ливень никому не хотелось. За палаткой слышались голоса. Кто-то запнулся о веревку, натянутую перед входом, быстро раздвинул полы брезента и заглянул внутрь.

— Это что за лежебоки? — услышали они сердитый голос начальника. — Живо встать всем и сейчас же снимать палатку. Будем перетаскиваться с острова на берег.

Все остальные были уже на ногах и в сумеречном свете раннего утра, под проливным дождем, перетаскивали вещи с острова, где разбит лагерь, на крутой каменистый склон. В горах, видимо, тоже прошел сильный дождь, и вода в реке начала выходить из берегов, угрожая затопить остров. Там, где вчера была сухая протока, тихо поплескивала вода, мед-

ленно закрывая гальку и валуны, и на первый взгляд не казалась опасной.

Всюду на кустах и на траве висели крупные стекляннопрозрачные дождевые капли. Одежда промокла до нитки сразу, как только Гриша вышел из палатки. Струйки холодной воды текли по спине, скатывались на лицо с волос; в разбухших ботинках хлюпала вода.

Гриша перетаскивал через протоку тяжелую выючную суму, когда его увидел начальник.

— Беги вон туда, помогай палатки ставить, — распорядился Павел Осипович.

Новое место было неудобным для лагеря. Здесь на каменистом крутом склоне уже растянули один тент, и вещи пока складывали под него. Палатки ставили Валентина Гавриловна и дедушка Васильев, им помогала Наташа. Устанавливать палатки под дождем — не простая задача: мокрый тяжелый брезент никак не удавалось расправить, а деревянные колья не забивались в каменистую почву.

Наташу почти не видно — она утонула в отцовском брезентовом плаще. Из-под островерхого капюшона Грише знакомой улыбкой блеснули ее глаза. Девочка добросовестно помогала матери разворачивать слипшийся брезент. Длинные полы дождевика волочились по земле, рукава свисали ниже колен и мешали движениям. Когда Наташе понадобилось поднять с земли веревку, пришлось вначале закинуть руки вверх над головой, чтобы освободить их из рукавов.

В сутолоке Гриша обронил кепку, в кустарнике не видно ее, а искать некогда. Мокрые пряди волос спадали на лоб, закрывая глаза. Он досадливо сбрасывал их на сторону рукавом рубахи. Обе руки у него были заняты: в одной держал кол, другой натягивал веревку. Вторую полу палатки оттягивала Наташа. Она запуталась в дождевике и упала, выпустив из рук веревку, — обмякший брезент безжизненно повис на перекладине. Девочка рассерженно сбросила с себя плащ и швырнула в сторону.

— Наташа, вымокнешь, — предупредила мать.

— Ничего, мама, я уже промокла, — успокоила ее дочь.

Вскоре стало ясно всем — тревога поднята не напрасно: вода прибывала на глазах. Последние рейсы

с острова на берег делали по пояс в воде. Еще немного — и протока превратилась в стремительную бурную речку; остров наполовину залило водой. Река глухо ревела, слышались тяжелые тупые удары деревьев о камни: это огромные стволы лиственниц и осин обрушивались в реку с подмытых берегов.

Костер на новом месте под тугим навесом разжигала Валентина Гавриловна. Она встала на колени, склонившись к самой земле, чтобы прикрыть слабый огонек снычки от ветра и залетающих под тент брызг. Вначале спокойным ровным пламенем зажглась береста, свертываясь от жара в клубочку, потом загорелись наструганные от сухого лиственного пня смолистые щепы; послышалось редкое осторожное потрескивание и жалобный свист намокших сучьев, накрест уложенных над разгорающимся костром.

— Все на заготовку дров! — весело крикнула Валентина Гавриловна, поднимая от огня обсохшее раскрасневшееся лицо с чуточку подпаленными бровями и мазками сажи на подбородке.

Гришу уже не беспокоила намокшая одежда. Слабый огонь костра, натянутые палатки, металлическое повизгивание пилы и звенящие удары топора вблизи вновь разбитого лагеря — все говорит о победе людей над обманчивой стихией.

Николай и Петр — оба одинаково припав на одно колено, начали запиливать новый ствол сухостоя. Шагах в двадцати от них Павел Осипович топором перерубал на чурки только что сваленное дерево. Гриша и Наташа вперегонки таскали оттуда к костру легкие ломкие сучья. Виктор стоял между Петром и Николаем, спрятав одну руку под плащ, а другой без усилия толкал дерево, хотя помощь его была еще явно преждевременна. Проходя мимо, Гриша услышал разговор:

— Долго ли умеючи, — бодро говорил Николай, перекрывая голосом методичное повизгивание пилы. — Сейчас такой кострище сгροхает — небу жарко станет.

— Конечно, на это у нас все мастера, — без особого энтузиазма поддержал Прагнн.

Мимо торопливо пробежала Наташа с мокрым, словно от слез, лицом, но безудержно веселыми глазами.

— Ходит тут, подслушивает, — проговорил Виктор, покосившись на девочку.

«Ничего она не подслушивает», — возмутился Гриша и хотел возразить Виктору, но в это время подпиленное дерево простуженно заскрипело и медленно повалилось набок.

— Отойди! — громко крикнул Петр и сильно отдернул зазевавшегося Виктора — дерево как раз падало в сторону, где стоял коллектор.

Тяжело ухнул воздух, разрезанный рухнувшим наземь стволом, затрещали, обламываясь, сучья, отскочила в сторону и рассыпалась в труху сгнившая вершина, торопливо выпрямились подмятые ветви кустарника.

Мимо прошел дедушка Кузьма. Он, видимо, направился разыскивать лошадей. На ногах у него неуклюжие резиновые сапоги, вокруг пояса, поверх брезентового плаща, повязаны недоуздки, в руках пара уздечек.

На месте, где недавно трудилась Валентина Гавриловна, разжигая бересту, полыхал огромный костер. Вокруг него уже сушилась развешанная на веревках и кольях одежда. Гриша зашел в палатку и разыскал в рюкзаке сухие брюки и рубашку.

Дождь лил, то чуть затихая, то раздражаясь с новой силой. Натянута палатка отвечала ему шелестящим шорохом или гулким звоном.

Чай и густой суп из мясных консервов с лапшой сильно припахивали дымком и от этого были еще вкуснее. Холодный утренний душ и зарядка сказались — аппетит у всех превосходный. Завтракать расположились вблизи костра, под защитой тента; кто сел на поваленное дерево, кто примостился на корточки, постелив на землю толстую лиственничную кору. Байкал устроился рядом с Наташей, прилизал языком намокшую, вздыбленную на хребте шерсть, положил морду между передними лапами и внимательно провожал взглядом каждую зачерпнутую из миски ложку супа.

— Не следовало бы тебя кормить — ты один ничего не делал, — ласково говорила Наташа, бросая собаке размоченные в бульоне ломти хлеба.

— Кони идут, — сообщил Петр, первым слышавший побрякивание ботала.

Наташа, ухватив в обе руки по полной горсти соли, направилась встречать лошадей.

— Наташа, поешь вначале, — пыталась остановить ее Валентина Гавриловна.

— Я уже поела, мама. Там для Байкала осталось.

— Надень плащ.

— Я быстро. Только понемногу угощу их.

— В следующий раз ни за что не поедешь с нами. Будешь сидеть с бабушкой, — пригрозила мать.

Павел Осипович рассмеялся.

— Ты бы хоть не потакал ей, — с упреком вздохнула Валентина Гавриловна.

Наташа и в самом деле скоро вернулась. Вместе с ней подошел дед Кузьма.

— Что за нечистая сила попутала? — ворчливо проговорил он, взял свою миску с супом и годсел к огню на обрубок дерева, раскинув в стороны намокшие полы плаща.

— Что случилось, Кузьма Прокопьевич? — спросил начальник.

— Ума не приложу, кто с вороного и мухортого путы снял.

— Что, потерялись?

— В том-то и загвоздка — целы: на загризке повешены и в узел зацеплены. Зачем распутали коней?

— А может, никто и не распутывал? Вчера позабыл и сам отпустил неспутанных.

Дед ничего не ответил, только задумался, почесал затылок да потерял жиденюкую седую бороду.

— Что, дела, память ищешь под шапкой? — смеясь, спросил Николай. Гриша и не обратил бы внимания на этот разговор, если бы не видел взволнованного лица Наташи.

— Дедушка, это правда? — спросила она. — Путы снятые?

— Зачем же мне врать-то, — с сердцем отозвался Кузьма Прокопьевич.

После завтрака все разошлись по своим палаткам. У костра остались Наташа и Гриша. Дождь продолжал моросить; вершины гор скрылись в серой мгле туч, мир стал тесным и неуютным.

Совсем немного времени прошло с начала их знакомства, но дружба Наташи уже стала по-особенному дорога для Гриши. Сейчас девочка была чем-то встревожена. Раньше он не видел ее такой серьезной. Наташа сидела на сухом обрубке дерева и задумчиво смотрела в огонь. Байкал пытался положить хозяйке на колено лапу, но Наташа, не глядя на собаку, нетерпеливо отодвигала свою ногу. В глазах у Наташи не видно озорных искринок, а на лбу собрались упрямые и какие-то чужие морщинки.

— Кто мог снять путы и зачем?

— Никто. Наверно, дед позабыл вечером и отпустил лошадей так, — отозвался Гриша.

Наташа сердито посмотрела ему в лицо и досадливо махнула рукой.

— Позавчера я сама помогала бабушке путать коней. — Наташа произнесла эти слова четко, раздельно, понизив голос почти до шепота, и при этом глаза у нее сделались большими и влажными, как давеча, когда бабушка Васильев вернулся к костру.

Гриша тоже заразился ее тревогой.

— Понимаешь — сама надевала путы на вороного и на мухортого, — еще раз подтвердила девочка.

Это, действительно, странно, если только Наташа хорошо помнит. А может быть, лошадей все-таки отпустили неспутанных? Почему-то без всякой последовательности вспомнил ночной пожар и два темных силуэта, мелькающих вдоль забора.

— Кто хочет слушать «Золотого тельца»? — громко, на весь лагерь спросил Павел Осипович. — Выходи к костру!

— Вот здорово! — обрадовалась Наташа, и белозубая улыбка прогнала с ее лица задумчивость. — Папка хорошо читает. Он каждый год берет с собой что-нибудь смешное.

ПОТЕРЯННАЯ ЖИЛА

III

ервыми на зов вышли
рабочие Николай и
Петр. Они совсем не
похожи друг на друга,

хотя меж собой дальние родственники и по фамилии
оба Васильевы, как и добрая половина исконных жи-
телей Перевального: Николай — чернявый, высокий,
осанистый, Петр — низкорослый, кряжистый, с улыб-
чивым рябым лицом. Подвижный Николай не может
ни минуты посидеть спокойно, зато и делает все на-
спех, но после переделывает без раздражения и тоже

быстро. Он разговорчив и весел. Петр работает неторопливо, но сразу добротню.

— Какой теленок? — спросил Николай, рассматривая желтую книжку в руках Братова.

— Золотой, — подсказала Наташа. — «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

Но читать Ильфа и Петрова на этот раз не пришлось.

— Николай, что ты знаешь про Рудаковскую жилу? — спросил Братов, вспомнив позавчерашний разговор у костра.

— Старухины сказки, — Николай небрежно махнул рукой в сторону деда Кузьмы. — Про Степанов дом тоже брехали: черти огни по ночам зажигают. Так и о золоте навывдумывали.

— А может, и не все выдумка, — возразил Братов, перехватывая сердитый взгляд Кузьмы Прокопьевича в сторону Николая. — Почти накануне отъезда, — обратился он к подошедшей Валентине Гавриловне, — я отыскал в фондах отчет Лисковского за тридцать первый год. Кое-что выписал оттуда. Тебе надо прочесть. Лисковский подробно описывает рудаковское открытие и не сомневается в достоверности находки. Ты все-таки Расскажи, Николай, что знаешь.

— Тогда начну с гроба Чингис-хана, — охотно согласился Николай. Он, крикнув, с трудом перевернул полусгнившую валежину вблизи костра и предложил всем: — Садитесь сюда — все малость суше.

Гриша наострил уши: снова какое-то рудаковское золото. Глаза Наташи также зажглись интересом.

— Расскажите про гроб, расскажите. Про гроб, хоть и не правда будет, а все равно интересно.

— Может — правда, может — нет. Кто знает? — вмешался в разговор Кузьма Прокопьевич, недружелюбно взглянув на егозистую Наташу. — Молодые-то нынче больно учены пошли: все знают наперед.

Братов неприметно мигнул жене, кивнув на дочь: ясно, мол, в чей огород камни.

Валентина Гавриловна улыбнулась в ответ.

— Старики говорят: Чингис-хана похоронили здесь в Саяне, — в голосе Николая явное желание отмежеваться от мнения стариков. — Смастерили для него гроб из чистого золота, цепи золотые приковали, положили покойничка-хана, да и повесили гроб промеж четырех кедров. Сам Чингис-хан так велел. Будто бы докуда будет висеть он на лесинах — дотуда и царство монгольское держится, а как попадет в землю — конец монголам. Самые большие кедры выбрали. Но и им не вечно стоять — сгнили. А гроб тяжелый, из золота, рухнул и — под землю на несколько сажен. А место, где висел гроб, к той поре уже не помнили — слухи только остались.

Для Петра сказка не нова, и он не слушает, бродит неподалеку в кустах, выискивает некрупные сучостины, рубит на чурки, подтаскивает к костру и укладывает в ряд на тлеющие угли.

— Выходит, Рудаков отыскал чингисхановский гроб? — спросил Братов, догадавшись, в чем суть легенды.

— Да, нашел. Давно это было.

— В двадцать седьмом году, — уточнил Кузьма Прокопьевич. — Открылся Рудакову Ивану клад.

— Деда верно сказал: открылся Рудакову клад, — усмехнулся Николай. — Другие вроде бы не могли видеть, а ему открылся. Духи-хранители за своего приняли. Сослепу должно быть: Рудаков и в бога не верил, а в гражданскую партизанил.

— Бреши, бреши, — спокойно возразил дед Кузьма, вытаскивая из кармана самодельный кисет из сыромятины. — Партизанил, это верно, а бога помнил. Ты тогда вот этакий был. (Он показал рукой как мож-

но меньше от земли.) А я с Иваном из одной миски хлебал.

Наташе показались забавными размеры Николая, она не может без смеха смотреть на дюжего рослого рабочего и разводит руками согласно мерке, отведенной ему дедом.

— И таким не был, — возразил Николай, поняв Наташин жест. — Я в тридцать втором родился.

— Ну, брат твой, Мишка, на карачках по избе ползал. Кому же больше? — решил Кузьма Прокöpfeвич.

— Нашел все же Рудаков золото? — вмешалась Валентина Гавриловна.

— Нашел. Сам я видел куски. — Кузьма Прокöpfeвич отодвинулся от костра, уступая место Петру. Тот, пригнувшись к земле, остервенело дул на загасающие угли. — Дотошный он охотник был на белку, — продолжал дед Кузьма, отводя глаза на струи едкого дыма. — Любил по тайге бродяжить: весь Саян облазил, в каждой речке побывал. Вот и просветилось ему, открылся клад. Чистое чудо: до него тыщи людей прошли — никто не видел, а ему открылся. Гроб-то лежал в аккурат поперек тропы. Древняя тропа. У нас ее и посейчас Большой тропой зовут. Люди ногами золото топтали — не видели. А уж коли тебе клад дался — помалкивай. А он, Рудаков, не скрыл, а еще и людей повел с собою показывать. Тут, верно, пошел с ним один партейный, учитель Пологод Михайло, а по батюшке, кажись Валентинович, грамотный. Он и в бога не верил и с попом спорил, хоть и хороший человек был. Его еще до семнадцатого на поселенье в наши края по этапу пригнали. Чухоткой бедняга все маялся; ему и до смерти-то рукой подать оставалось, а туда же увязался. Тогда на всем селе ученых трое было: поп, фельдшер да он — учитель. А дело в экспедиции, сами знаете, ученое: и кар-

ту проверь и на плане зарисуй, что и как. Кто, кроме него, мог? Еще милиционер Илюшка Кирьякин с ними снаряжился да наших охотников двое: Зверев один, второй Блинов.

Гриша внимательно слушал рассказ. Началось с гроба, а перешло к событиям, которые еще живы в памяти людей. Подошел Виктор и сел на край валежины, потеснив Гришу. Дед Кузьма вдруг проворно вскочил на ноги.

— Геть ты, неладный! — закричал он на проказливого лысаного жеребца, который отогнал мухортго и вороного от торбы с овсом. — Свое сожрал — на чужое зарисься. — И дед заторопился к лошадям.

— Примерно то же самое в отчете Лисковского написано, только без Чингис-хана, — сказал Братов. — По словам Рудакова, золото было рудным и залегало в жиле темного кварца поперек Большой тропы. В доказательство Рудаков принес с собою один крупный кусок руды — с голову барана — и несколько мелких обломков. Кварц в образцах водяно-прозрачный, мутно-серый, до черного в глубине, со множеством гнезд медного и серного колчедана; в самом центре куска неровной ленточкой вилась золотая жилка, от нее в стороны ответвлялись тоненькие полоски, которые заканчивались прерывистыми нитями золота, как бы набрызганного в породу. В центре жилка раздувалась в гнездо размером с голубиное яйцо. Жила кварца с золотом, — уверял Рудаков, — видна на двадцать сажен и протягивается поперек тропы. Один конец ее — верхний — скрывается под глыбами серого плитчатого камня, другой — нижний — уходит под почву и мох. Проверять заявку Рудакова отправилась экспедиция из пяти человек во главе со школьным учителем Пологодовым. С ним пошли: сам Рудаков, милиционер Кирьякин и местные жители, охотники Зверев и Блинов.

Все лето вестей от ушедших на поиски золота не было, а в сентябре в Персвальное возвратились только двое: Зверев и Блинов. По их словам, золота Рудаков не нашел, зря только потратили целое лето. На обратном пути, во время переправы через речку Каменную, случилось несчастье: плот разбило и трое остальных участников экспедиции погибли. Районная милиция заподозрила неладное. За Блиновым и Зверевым установили наблюдение. Вскоре один из них был задержан в областном городе в тот момент, когда пытался сбить с рук крупный слиток золота. Сразу арестовали второго. На допросе признались: Рудаков правильно указал выход жилы, Пологовых делал записи, обозначил место на карте, остальные копали шурфы на продолжении жилы, отбирали образцы пород и руды.

Зверев и Блинов, зачарованные невиданным богатством, поддались искушению, сговорились и ночью убили троих спутников. Трупы схоронили в лесу, а карту и тетрадь с записями школьного учителя сожгли на костре.

В следующее лето на поиски золота вышла вторая группа, которую вели конвоируемые убийцы Зверев и Блинов. Но и эта экспедиция окончилась неудачей. Арестованным удалось бежать. Зверев был убит конвоиром, Блинов скрылся в тайге. Больше о нем ничего не известно.

Летом тридцать первого года организовали поисковый отряд во главе с геологом Лисковским. Третья попытка отыскать золотую жилу тоже не принесла удачи. Большая тропа, давно не хоженная, местами заросла, кое-где ее засыпало, а в верховьях Каменной она исчезла совсем. Найти ее продолжение не удалось из-за ранних снегопадов. Лисковский возвратился ни с чем. Правда, он сделал много интересных и важных наблюдений, собрал новые данные о геологическом

строении в бассейне реки Каменной. Лисковский предлагал на следующий год снарядить крупную геологическую партию, организовать методические поиски с обязательным шлиховым опробованием всех притоков реки. Но такую партию не снаряжали. Поиски золота в реке Каменной прекратились, а история рудаковского открытия стала легендой.

— А сам ты веришь в эту находку? — спросила Валентина Гавриловна.

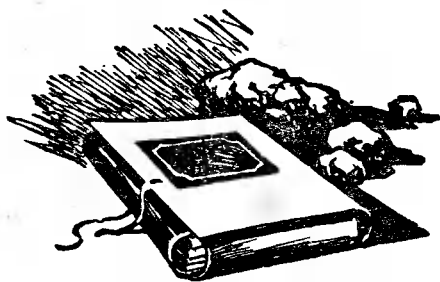
— Без всякого сомнения! Неясно только одно: почему до Рудакова никто не нашел золота? По тропе целое столетие ходили сотни людей, нельзя поверить, чтобы ни один из них не видел под ногами кварцевой залежи с такой богатой рудой.

Небо мало-помалу расчистилось, и легкий ветерок высушил листву на кустарнике.

— Завтра можно ехать, — решил Павел Осипович.

— Только б вода за ночь спала, — сказал Кузьма Прокопьевич, недоверчиво посмотрев на вспученную помутневшую протоку.

— Будет холодно — спадет, — обронил Петр впервые за весь день.

НА ВЕРШИНАХ ГОР

На следующий день вышли чуть свет. Солнце еще не показалось из-за гор, но на противоположном берегу яркие лучи его зажгли ослепительным блеском коричнево-розовые скалы. На них в узких ложбинах лежит голубой, сиреневый и золотистый снег.

Несколько часов пути, и тропа привела к броду через небольшую речку — приток Каменной. В другое время это была не речка, а всего лишь прозрачный горный ручей, который можно перескочить, не замочив ног. Но сейчас вода в нем мутно-желтая, илистая. На середине она вспучилась стремительными пенными валами. Лошади и люди беспорядочно сгрудились на берегу.

Первым в воду въехал Павел Осипович, выбрав для переправы место чуть пониже тропы. Мухортый конь под ним шагает медленно, осторожно, высоко, как на параде, поднимая передние ноги, и, встряхивая головой вверх-вниз, норовит вырвать повод из

рук всадника. Следом за Братовым в реку въехали остальные.

На другом берегу задержались, поджидая отставших. Кони нетерпеливо топтались, звеня подковами о камни. С гладких лоснящихся ног их стекала вода, оставляя на галечнике темные лужицы.

Отсюда тропа круто поднималась в горы. Идти дальше по берегу Каменной было невозможно: долина реки суживалась, зажата между отвесами скал. Все спешились и гуськом растянулись по извилистой каменистой тропе, ведя лошадей в поводу.

Покают ованые копыта о камень; позади в шорохах ветвей, тревожимых ветром, удаляясь, затихает однотонная песня реки. Тропа ныряет в чащу молодого лиственничного леса, вползает на бугор, покрытый редкими солнечно-светлыми стволами сосен. Выше, в просветы между деревьями, проглядывает малиновое огнище зарослей багульника. На противоположном борту долины видны гущи кедрача, острыми клиньями вбежавшие на скалы. Они словно кинулись на штурм каменной тверди гор и застыли на месте.

На тропе стоит крепкий запах лошадиного пота, отгоняемый теплым ветерком, пропахшим смолю. Чем выше уходит тропа, тем больше на пути крупных глыб и острых скал, кажется, что из-под травы выступает наружу каменное тело земли. Тропа пробирается по неширокому уступу, который круто обрывается вниз. На склонах чернеет лес, на дне белесой змейкой вьется река.

Подъему нет конца: горы вырастают на глазах. Не терпится скорее подняться на самый верх — там непременно откроется взглядом что-то необычное.

Когда Гриша оглядывается назад, его поражает необъятная глубина дали. За ближними скалистыми вершинами хорошо видны темно-синие лесистые горы,

а дальше открывается новая волна густо-сиреневых холмов, за ними лежит золотистая в солнце долина, а еще дальше, на самом горизонте, едва-едва голубеет отлогая возвышенность. Где-то там за нею проходит железная дорога.

Наконец взята последняя круча и тропа вывела на плоскую поверхность. Но это еще не вершина: впереди горизонт закрыт каменистыми холмами. А в стороне, слева от тропы, обманчиво близкие взметнулись ввысь совсем голые скалистые гребни. На них в каменистых расщелинах ребрами белеют полосы пераставившего снега. Весь хребт похож на чудовищное ископаемое, которое высунуло из-под земли свой гигантский скелет. Дальше тропа идет по каменистому дну долины. Ее склоны поросли мелким и цепким кустарником, травами и мхом. На дне долины тихо плещется ручей. Вокруг одни россыпи камня и скалы. Они мрачны и полны загадочной тишины, тишины до звона в ушах. Кажется, что тишина струится от скал, растворяется в светлом, прозрачном и легком воздухе и плывет над вершинами, как песня — песня извечно-го каменного молчания.

Наташа и Гриша заняты размышлениями об услышанной вчера романтической истории рудаковского открытия. Гриша мечтает о том недалеком дне, когда золотая жила вновь будет открыта их партией. Пожалуй, и он сможет чем-нибудь помочь геологам. Жила пересекает Большую тропу, которая хорошо приметна, и трудно представить себе, что где-то в верховьях она терется.

Вот поисками тропы он, Гриша, и займется: для этого не нужно специального геологического образования.

Еще месяц-два, и все тайны рудаковского золотого клада будут разгаданы. Но пока Гриша не может ничего придумать, чем бы можно было объяснить загад-

ку, связанную с находкой золота. Таинственная история давнишней находки золотой залежи целиком завладела и Наташей. А тут еще странный случай с конскими путами. Наташа отлично помнит, как вечером помогала Кузьме Прокопьевичу спутывать лошадей: свою гнедую, вороного и мухортного. Остальных путал сам дедушка. Кто снял путы и зачем? Ночью все спали.

Перед глазами Наташи встает давнее прошлое, дорисованное собственной фантазией. Она видит Ивана Рудакова. Бывший партизан высок и строен, с темной бородой и усами, загорелый, взгляд у него прямой, мужественный и честный. Охотник легко шагает по тропе впереди всех. Тяжелая котомка за спиной не портит его походку: для него это привычное дело. Следом за ним идет бледный худощавый Пологов. Он часто надсадно кашляет, хватаясь руками за впалую грудь. Больному учителю тяжело в тайге, но он не подает виду и в такт шагам улыбается своим мыслям. Глаза у него большие, красивые и немного восторженные, и видит он ими не тяжелую горную тропу под ногами, а что-то другое, ради чего он и пошел в тайгу почти на верную смерть. Невысокий, но плечистый милиционер Кирьякин в забывчивости все время насвистывает один и тот же песенный мотив. Милиционер то и дело отстает от товарищей и догоняет их рысцой, придерживая на ходу бьющий по бедру приклад винтовки. Не может увидеть Наташа только Зверева и Блинова. Едва мелькают в воображении их алчные глаза, трясущиеся руки в тот момент, когда они огрубевшими пальцами ощупывали первый найденный самородок. Мучает загадка: почему раньше, до Рудакова, никто не замечал золота у себя под ногами?

Поговорить обо всем этом можно только с Гришей. Наташа свернула с тропы и направила Гнедуху рядом

с Воронком. Сердце мальчика тревожно и радостно заняло — это было совсем новое, не испытанное раньше ощущение, приятное и беспокойное. Гриша натянул повод в сторону, но вороной упрямо не сворачивал с тропы. Лошади теснились друг к другу, толкая вьюками в ноги седоков. Наташа легонько натягивала повод, сдерживая стремительную Гнедуху.

НАТАША

Неподалеку взлаял гуран, напуганный запахом человеческого жилья. Наташа проснулась и увидела перед глазами светлый брезент с незнакомыми жирными пятнами. Снова тявкнул дикий козел — ему басовито отозвался Байкал. Девочка повернула голову посмотреть, рядом ли Кузьма Прокопьевич, но в полутьме ничего не увидела. Она высунулась по пояс из мешка и спросила:

— Деда, слышите? — козел близко.

Никто не отозвался. Наташа рукой ощупала место, где спал дед Кузьма — пусто. Быстро выбралась из мешка. Нужно скорее одеться, умыться, уложить мешок в чехол — и снова в дорогу.

Байкал сидел у затухшего костра и, насторожив уши, смотрел в прикрытую туманом чащу кустарника.

«Гурана чует, — подумала Наташа, — или нет, кажется, кони идут — ботало звенит».

Вчера утром чуть свет они вдвоем с дедом Кузьмой собирались в обратный путь. Наташа наспех попрощалась с матерью и отцом. В слезах, усталая и сонная, но уже вся охваченная ожиданием предстоящей поездки, она помогала конюху заседлывать коней, почти не слыша последних наставлений матери. В сердце девочки столько радости, что даже заплаканные глаза ее не были печальны, а искрились счастьем.

Завидев Гришу, она сама предложила:

— Давай друг другу письма писать. Из Перевального к вам часто будут отправлять лошадей, а от вас привозить образцы и пробы.

Весь день Наташа целиком была захвачена прелестью верховой езды. Громоздкие выюки не мешали удобно сидеть на лошади. Следом за всадниками легко поспевали незавьюченные кони. Звонче обычно пели прозрачные горные ручейки, пересекающие тропу, и, казалось, можно было видеть, как тает снег, плотно набитый в расщелинах на склонах. Снежные скалы и впрямь дымились легкими прозрачными испарениями.

В полдень Наташу взволновало новое радостное событие — встреча с дикими козами. Всадники ехали долиной в стороне от речки. Впереди виднелся молодой лесок, разросшийся на месте старого таежного пожарища. Светлая зелень поднималась над каменистой россыпью невысокой, но плотной стеной, а выше, над зеленью, стояли еще не рухнувшие голые стволы обгоревших лиственниц и неровной изгородью частили

сизо-голубую даль. Из чащи внезапно выбежали два козла, перед всадниками промелькнули их стройные распластанные над землей красноватые тела, и гураны скрылись в лесу. Байкал метнулся следом за ними, но скоро, посрамленный, возвратился ни с чем. Девочку радовало даже и то, что ее Байкал, равнодушный к красоте животных, при всей своей собачьей сноровке и ловкости не смог причинить им вреда.

На въезде в село Наташа увидела объявление.

— Новая картина в клубе, — крикнула она, спеша порадовать деда Кузьму.

— А пусть ее, — равнодушно отмахнулся Кузьма Прокопьевич. Его больше устраивала добрая банька с паром. Завтра ему нужно собираться в обратный путь.

Едва спешившись, Наташа, обняла бабушку и, не отвечая на ее расспросы, убежала в дом искать Игоря. Вдосталь намяв братишку, запросила есть.

— Бабушка быстрее, скоро кино.

— Куда те кино, неумная, отдыхать надо.

После ужина Наташа прилегла на кровать, строго наказав:

— Бабушка, через час разбуди меня.

Но уснула крепко, не слыша, как бабушка разула, раздела и уложила ее, как в нагретую постель к ней забрался Игорек.

Наташа сероглазая, в отца. Дома на письменном столе под стеклом лежит ее фотография — самый последний снимок. Отец очень дорожит им. Наташа чуточку прищуренными глазами смотрит прямо в объектив; она решительным движением откинула голову назад и набок, чем, видимо, нарушила неудобную позу, которую с большим трудом и старанием только что придал ей фотограф. Люди этой профессии страсть как любят усаживать своих клиентов в самое что ни на

есть неловкое положение и непременно с таким наклоном головы, что после долго болит шея. «А я сяду так, как мне удобно», — казалось, говорила Наташа, и от этого в уголках ее плотно сжатых губ теплилась озорная улыбка.

И в жизни Наташа такая же своенравная и подвижная, иногда даже чересчур. В глубине ее серых глаз постоянно готов вспыхнуть плутоватый огонек. У нее всегда такой вид, будто она только что поняла что-то очень важное, интересное, готова сказать про то всем, но ждет, молчит, словно хочет выяснить вначале, будет ли ее открытие новостью для остальных.

Интересы Наташи самые разнообразные: она увлекается математикой и физикой, историей и литературой, химией и биологией. Но хотя она и считает себя достаточно взрослой (шутка ли, закончила седьмой класс), Наташа еще не придумала, какую специальность изберет себе в жизни. Ей хочется заниматься сразу всем. Лишь одно твердо решила она: ее профессия будет такой же непоседливой, как у отца и матери. Родители каждый год берут ее с собой в партию; Наташа бывала и в северной тайге, и на берегу Байкала, и в мелкосопочной степи Забайкалья, и в горах. В ней уже живет страстная жажда к путешествиям. Нет ничего интересней, как смотреть в окно вагона на несущиеся мимо города, поселки, дороги, на людей, которые живут своей, у каждого по-своему замечательной жизнью; а еще лучше подставить лицо под хлесткие удары встречного ветра и, жмуря глаза, глядеть на убегающее вперед шоссе и нетерпеливо ждать, как за каждым поворотом, за каждым бугром широко распахиваются новые, щемящие сердце своей синью, неизведанные дали.

Мир представляется Наташе просторным и свет-

лым, а жизнь наполненной непрерывным ожиданием нового, увлекательного.

Пока у нее единственный серьезный враг — веснушки. Они неумолимо выступают на щеках каждую весну. Ей кажется, что веснушки должны всем бросаться в глаза, и девочка тщетно пытается стереть их одеколоном. Иных средств косметики она не признает.

Когда она рассматривает свое лицо в зеркале, маленький Игорек кричит:

— Натка-задавака.

Наташа ловит его, хохочущего, уползающего от нее под кровать, и шлепает ладонью.

— Не смей так старшим говорить!

— Я тоже скола в сколу пойду, — заявляет Игорек и обиженно надует губы.

— Ну, не сердись. Я ведь понарошке, не больно.

У ерез неделю Наташа знала всех своих сверстников в Перевальном. Знакомства она завязывала быстро, наученная ежегодными переменами места жительства. Не смогла Наташа сразу подружиться только с мальчиком Васей (тем самым, что тогда купался в озере вместе с ними).

Васю Наташа чаще видела на конном дворе, он помогал своему отцу, колхозному конюху. Увидев ее возле лошадей, мальчик рассердился.

— Уходи отсюда! Нечего тут девчонкам делать.

Вася вел в поводу нетерпеливо переступающего молодого каурого коня. Наташа, не обращая внимания на негостеприимный окрик, попросила:

— Вася, дай мне прокатиться на кауrom.

— Тебе, на кауrom? — усмехнулся паренек. — Ишь, чего захотела. Отвечать потом за тебя.

— Не надо отвечать. Ничего не случится.

«Вот я тебя сейчас проучу, — подумал мальчик. — Станешь потом хвастаться».

— Садись.

Он помог Наташе забраться на спину каурого и передал в руки повод. Почувяв свободу, конь взметнулся на дыбы, сделал два скачка и, обрадованно заржав, рысью побежал вокруг ограды. От неожиданности Наташа выпустила повод и едва успела вцепиться в гриву.

— Слазь, слазь! — решительно требовал перепуганный Вася, бегая по кругу за лошадыю. Хороша шутка. Покалечится девчонка, а попадет ему. Вася рассчитывал, что Наташа свалится на месте в мягкий навоз, а получилось вон что. Трижды пробежав по кругу внутри ограды, каурый легко перескочил плетень, чуть шаркнув задними копытами по хрустким веткам. Наташа отделилась от лошади и плюхнулась на тугую унавоженную землю. Вскочила на ноги бледная от испуга, но уже начав краснеть в ожидании заслуженных насмешек. Поняв, что все кончилось благополучно и даже отец не видел его проделки, Вася успокоился и презрительно бросил:

— Девчонка, она девчонка и есть.

— Очень интересное открытие, — ответила Наташа, не поднимая головы и продолжая очищать перелачканную одежду.

Свое поражение она не захотела признать. Познакомилась с отцом Васи и, добившись разрешения, несколько дней подряд ходила на конный двор приручать каурого коня. Время для этого она выбирала, когда ее обидчика и свидетеля позора не было во дворе. На третий день Каурка, завидев ее, начинал нетерпеливо ржать и тянуться мордой к рукам, ожидая подачку. Карманы Наташи постоянно были набиты хлебом, солью и сахаром. Еще через три дня торжествующая Наташа прогарцевала на кауром перед изум-

ленным Васей и, чтобы окончательно закрепить свою победу, направила коня через плетень. Неожиданно все произошло так же, как в первый раз: она снова упала с лошади. Наташа даже не напугалась, а сразу зарделась краской от вторичного позора.

— На этот раз у тебя лучше получилось, — не без ехидства поздравил ее мальчик.

И все же после этого случая они подружились. «Хоть она и неважная наездница, — решил Вася, — а не трусиха и лошадей любит».

Целые дни Наташа проводила с новыми друзьями, и острота впечатлений от услышанной истории про золото Рудакова постепенно терялась. Все реже вспоминала она о ночном пожаре и о странном случае с конскими путами. Все это отходило в прошлое, новые увлечения застилали старое.

Но внезапно интерес к таинственным событиям возник с новой силой. Как-то, проходя мимо пепелища на месте бывшего Степанова дома, Наташа заметила в золе поблескивающий предмет. Это оказался большой кусок спекшегося в огне стекла — по крайней мере не меньше литровой бутылки сплавилось. В темно-зеленой глубине стекла золотинками искрились пузырьки воздуха. Наташа обмыла находку в реке, принесла домой и положила на стол.

Первым новинку заметил Игорек. Он долго вертел ее в руках, разглядывая желтые звездочки внутри стекла.

— Положи на место, — потребовала Наташа. — Уронишь — без ног останешься.

Но малыш не хотел расставаться с игрушкой.

— Ната, подари мне стекляшку, — пристал он к сестре. — Она же тебе никчемушная.

— Отстань.

— Ната, подари.

«А верно, зачем она мне? — подумала девочка. — Пусть играет».

— Возьми. Только смотри: не урони на ноги, — еще раз предупредила она.

Вечером Наташа вспомнила про свою находку и спросила у Игоря:

— Где же твоя игрушка?

— У меня ее дядя председатель взял.

— Зачем она ему?

— Говорит, надо. Он мне обещал лошадку из дерева вырезать, а я попросил еще тележку.

— Из тебя отличный торговец выйдет, — заметила Наташа.

Уже затемно она, как обычно, вынесла Байкалу чашку с остатками супа и накрошенными хлебными корками.

— Ешь, ешь, бездельник, — потчевала она своего любимца, понемногу подливая в корыто. Байкал норовил выловить вначале крупные кости, потом куски хлеба и уж после принимался за жижу.

Обводя взглядом угловатые очертания гор, Наташа заметила вспыхнувший внизу яркий огонек.

«Что это? — подумала она. — И как раз на месте пожара». Впрочем, за расстояние ручаться в темноте нельзя. Огонек прыгал на одном месте, то взлетая вверх слабым лучом, то, наоборот, затухал, а через мгновение снова вспыхивал на том же месте. Девочка смотрела не мигая несколько минут — свет не перемещался.

— Байкал, подожди меня.

Наташа забежала в дом, схватила со стены ременный поводок и, не отвечая бабушке, крикнувшей вслед: «Куда ты, оглашенная?» — выбежала во двор.

Таинственный огонек приплясывал на том же месте.

— Не верти головой, — строго приказала она Байкалу, прицепляя поводок за ошейник. — Пошли!

Вначале девочка бежала, опасаясь, что огонь исчезнет, прежде чем она выйдет на окраину села, но, оглушенная тишиной безлюдного пустыря, за крайними домами сбавила прыть. До пепелища оставалось не больше ста метров. Наташа присела в тени густой заросли полыни на месте старых построек и заставила собаку лечь рядом.

— Не шевелись, — предупредила она.

Байкалу ее затея пришлась не по душе (видимо у него были свои планы на сегодняшний вечер).

Совсем близко от девочки, на черном фоне холма вспыхивал огонь.

«Карманный фонарик», — смекнула она. Слышались чьи-то негромкие голоса, иногда на мгновение в луч света попадала темная фигура, а то и лицо человека. Нужно во что бы то ни стало узнать, кто там. Если раньше Наташа немного сомневалась в рассказе Гриши, то сейчас и тень недоверия исчезла. Девочка приготовилась подползти ближе, как неожиданно люди сами пошли в ее сторону. Наташа схватила Байкала за шею и в страхе прижалась к нему. Пес, не разделяя ее тревоги, лизнул хозяйку в лицо. Кругляшок света плыл по земле, ломая свои очертания в неровностях почвы. Слышались шаги и тихое повизгивание металла. Вскоре можно стало различить силуэты двух человек. Вначале на светлом фоне дальних гор появились головы и плечи, а потом все туловище и руки, занятые ведрами.

— Надо было нам сразу порыться, — сказал один из них, и Наташа по голосу узнала председателя сельсовета Речинова.

— Кто же думал, — отозвался второй (сын Речинова, отметила Наташа). Они прошли мимо, Ната-

ша едва успела зажать Байкалу пасть — он хотел за-
лаять.

Речинов с сыном скрылись за углом. Наташа вско-
чила и, не выпуская из рук поводка, побежала домой.
Ни словом не обмолвившись бабушке, забралась с
головой под одеяло. Нужно обдумать все наедине. Не-
ожиданное открытие проливало новый свет на дело о
пожаре. Вот кто те двое! А интересно, что уносили Ре-
чиновы в ведрах? Видимо, преступники заматают сле-
ды, а поводом для тревоги послужил слиток стекла,
найденный в золе. Что же делать дальше? Как жаль,
что Гриша далеко: вдвоем скорее что-нибудь придум-
вали бы. Наташа решила чуть свет прийти на пого-
релье, посмотреть, что там изменилось.

БУДНИ ГЕОЛОГОВ

Гриша жил в одной палатке с Прагиным. Палатка была старенькая, выцветшая на солнце, с оторванными петлями и застегжками. Двоим в ней тесновато: только-только помещались спальные мешки; рюкзаки с вещами приходилось держать у себя под головой.

Утром Гриша вставал первым. Прагин любил поспать. Поднимался он тяжело и томительно долго: должно быть, сон не торопился покидать его расслабленное тело. Прежде чем одеться, Виктор нагревал у себя в мешке неизменный серый свитер и брюки, потом высовывался до пояса наружу, долго с наслаждением зевал, потягивался до хруста в костях и сидел неподвижно, сонный, с остекленевшими бездумными глазами и запухшими губами. Щеки и нос у него в это

время были ало-розовыми, и Грише почему-то всегда думалось, что налиты они не кровью, а подкрашенной водицей — настолько неживой вид был у коллектора. Виктор давно перестал бриться, и подбородок его оброс реденькой и бесцветной бородкой.

Первые дни Гриша тоже любил понежиться в мешке: не хотелось от сладкой дремы уходить в неприветливую утреннюю прохладу. Но скоро он привык, заставил себя привыкнуть быстро выскакивать из мешка и бежать к ручью умываться — уж очень ему не хотелось походить на тюфячного Виктора. Только в одном у Прагина несомненное превосходство над всеми: он скорее других управляется с завтраком, красноречиво опровергая ошибочность распространённого мнения, будто тот, кто быстро ест, горазд на работу.

Добрые отношения с Виктором не налаживались. На людях, у костра, Прагин выглядел добродушным простецким парнем, всегда готовым шутить, смеяться, но, как только они оставались в палатке вдвоем, коллектор становился угрюм и неразговорчив.

Переезды бывали часто: день-два — и лагерь перебрасывали в другое место. Приходилось снова ставить палатку, устраивать настил из пахучих лиственных веток под спальный мешок.

— Ну-ка, Гриша, развернись насчет мягоньких постелей, — скажет Виктор. Сам сядет у костра и блаженно вытянет ноги, натруженные за день ходьбы. Гриша, не споря, берет топор и идет рубить лиственные. Нарубить недолго и нетяжело.

— Ты, барчук, пособи мальцу, — скажет, бывало, Николай, недружелюбно глянув на коллектора. Когда на лагере нет ни начальника, ни Валентины Гавриловны, Виктор только огрызнется, но не тронется с места. А если кто из них поблизости, его не надо уламывать — сам берет топор и идет рубить.

Неразговорчивый Петр нет-нет да и поможет Грише, а то не удержится и скажет про Виктора:

— Ну и тюря.

Окончательная вражда с Виктором зародилась так: однажды в свободный от маршрутов день Гриша, по обыкновению, собрал грязное белье и, отойдя от табора вниз по речке, занялся стиркой. Подошел Виктор.

— Постирай-ка попутно и мое, — небрежно заявил он, бросив наземь сверток белья.

От неожиданности Гриша не нашел даже сразу, что ответить. А Виктор, насвистывая, уходил уже обратно. Кончив стирать, Гриша возвратился в лагерь. Виктор сидел возле костра и выстругивал тросточку.

— Иди стирай, — обратился к нему Гриша.

Виктор поднял голову и удивленно посмотрел на него.

— Что стирай?

— Тебе лучше знать, что у тебя грязное.

— А-а, — только и сказал Виктор, дрогнув белесыми бровями, и неласково блеснул глазами.

С этих пор Прагин перестал разговаривать с Гришей, словно рабочего и не было рядом.

Да и Гриша не тужил по дружбе коллектора. Утром с полупустым рюкзаком за плечами уходил он в очередной маршрут вместе с Братовым. Гриша уже знал, что геологические партии бывают разные: разведочные, поисковые и съемочные. Основная задача их партии — съемочной — составить в конце сезона геологическую карту для площади более чем в тысячу квадратных километров. Партия была разбита на два отряда: один из них, во главе с Братовым, производил съемку в бассейне Каменной, второй, возглавляемый старшим геологом Андреевым, работал в бассейне Волоны — крупного притока Каменной. За все ле-

то Гриша не видел никого из второго отряда. Только Братов дважды в месяц получал сведения от старшего геолога, а иногда и сам на два—три дня уезжал в отряд Андреева.

Работа геологов-съемщиков, как понял Гриша, заключалась в том, чтобы за лето исходить всю намеченную площадь. Маршруты они прокладывали через два километра один от другого, поэтому лагерь отряда чуть ли не ежедневно приходилось перебрасывать на новое место.

Гриша сопровождал в маршрутах Братова. Работа оказалась не трудной и даже приятной. Геолог по пути непрестанно отбивал образцы пород, осматривал и зарисовывал скальные обнажения, свои наблюдения записывал в дневник; а он, Гриша, шел следом с рюкзаком за плечами, наклеивал на образцы этикетки из лейкопластыря, писал номера на них цветным карандашом и укладывал в рюкзак.

Вначале Гриша даже не хотел верить, что это и есть настоящая работа. Ежедневные маршруты казались ему увлекательными прогулками по горам.

В конце дня усталость свинцовой тяжестью разливалась по всему телу. Из маршрутов возвращались поздно, иногда в темноте.

Гриша старался не показывать усталости, но Братов все равно подбадривал его:

— Крепись. Спустимся вниз, и вон за тем поворотом наш лагерь. С высоты место, куда показывает геолог, кажется близким, но Гриша уже хорошо знает, как обманчиво расстояние в горах. Вверху все выглядит по-иному: вокруг видны только голые скалы да снег, долины зияют гигантскими провалами, стройный лес на берегу реки похож на луговую травку, и сама речка не выглядит бурной и порожистой — просто крохотная серебристая ленточка.

Братов разговаривает в маршрутах с Гришей, как с ровней.

— Как ты думаешь, — спрашивает он, — сумеем подняться вон по той щелке?

— Сумеем, — отвечает Гриша.

— Ну, ну, не бодрись очень-то. На самый карниз как заберемся? Там отвес.

— Заберемся, — настаивает Гриша.

— Коли так — идем, — решает геолог, улыбаясь, и вокруг серых глаз его собираются частые морщинки.

От Павла Осиповича Гриша твердо усвоил истину: «Не так страшен черт, как его малюют». Снизу склон представляется крутым, неприступным, а заберешься выше и отыщешь место, где можно подняться, — не на ногах, так на карачках заползешь.

Вечерние костры на лагере были клубом и местом заседаний геологов. В хорошую погоду после ужина у огонька собирался весь отряд: здесь обсуждались новости, рассказывались дневные происшествия, намечались планы очередных маршрутов и переездов. А под конец, засидевшись допоздна, пели песни или просто шутили, смеялись...

Как-то неприметно получилось, что распорядок дня оказался в твердых руках Валентины Гавриловны. Хоть она никогда и не распоряжалась, но ее слушались все. Бывало, уже за полночь, Петр с Гришей принесут к огню новую сушину, Николай погладит ладонью смолисто-черные кудряшки коротенькой своей бородки и приготовится затянуть песню — а Валентина Гавриловна поднимется на ноги, отойдет немного в сторону от жара, обведет всех взглядом и, чуть улыбнувшись про себя, решительно заявит:

— Пора спать.

Грише всегда кажется, что в этот момент ее улыбка чем-то неуловимо похожа на улыбку Наташи.

— Еще немного, Валя, — за всех попросит Братов.

Но она непреклонна.

— Спать, спать. Остальное допоем завтра.

С этими словами Валентина Гавриловна уходит в свою палатку. А через минуту вслед за ней расходятся и остальные.

— Вот оно как, братцы вы мои, — улыбаясь, скажет Павел Осипович.

А Николай, блеснув на него глазами, почешет затылок и состроит такую гримасу, что все покатаются со смеху и даже молчун Петр восхищенно воскликнет:

— Ну и артист!

— Берите пример с Виктора, — объявит Николай, поднимаясь на ноги, — он уже давно бай-бай делает. — И, подняв палец вверх, Николай заставит всех прислушаться к громкому храпу в палатке.

...Первые дни Гриша все надеялся, что вот не сегодня-завтра станет известно что-нибудь новое о рудаковском золоте. Но дни шли за днями в трудовом будничном однообразии, похожие и непохожие один на другой, как шум речек, на берегах которых отряд устраивал палаточные лагеря.

И только в один из августовских дней приключилось новое загадочное происшествие, такое же странное, как уже позабытый случай с конскими путами.

На лагере в тот день оставался только конюх дед Кузьма да пес Шарик, остальные были в маршрутах. Кузьма Прокопьевич надумал поставить перемет на ночь. Подходящее место в излучине реки он присмотрел еще накануне. Он ушел под вечер, не дождавшись маршрутчиков. Придут без него — беды не будет. Ужин готов, ведра с супом и чаем висят на тагане, в сторонке от дотлевающих головешек. Шарика оставил в лагере, а чтобы тот не увязался следом, привязал его веревкой к колу возле продуктовой палатки.

Не успел Кузьма Прокопьевич отшагать и половину пути, как услышал позади отчаянный захлебывающийся лай собаки. Никогда раньше Шарик не лаял с таким остервенением. Что-то случилось — собака зря не станет брехать. Шаркая ичигами по кустам, рыболов заторопился обратно. Навстречу мчался Шарик с обрывком веревки на шее. Он возбужденно прыгал вокруг конюха и нетерпеливо и зло лаял, упрасивал поторопиться. «Никак медведь пожаловал в гости», — подумал Кузьма Прокопьевич. Однако, заведя лагерь, отбросил эту мысль — возле палаток спокойно топтались кони. Одно только было странно: все сгрудились в кучу и что-то жадно хватали с земли. К палаткам он подошел одновременно с Виктором Прагиным (тот как раз возвратился из маршрута). Под ногами у лошадей валялся брезентовый мешочек с запасом соли. Дед Кузьма ударами плети разогнал коней, спасая остатки необходимого продукта. Палатка с продуктами, как уверял дед Кузьма, оставалась застегнутой на все петли, а соль лежала в ней во вьючном ящике сверху. Вечером после ужина все обсуждали это странное происшествие. Общее мнение высказал Николай:

— Запомню ты, деда: и соль позабыл спрятать, и палатку не застегнул.

На том и порешили. Один Кузьма Прокопьевич с сомнением качал головой:

«Хорошо, вроде, помню», — говорил этот жест.

Станным было и поведение Шарика. Неужто он так усердно лаял на лошадей?

НОВАЯ РАБОТА

Скоро Гриша стал выполнять другую работу, более интересную и важную, чем занятия маршрутного рабочего.

Разламывая ящик из-под продуктов, Николай проткнул ладонь ржавым гвоздем. Рука опухла. Несколько дней он крепился, продолжал работать, но рука болела все сильнее, и опухоль распространилась выше локтя.

— Что же ты раньше молчал? — сердито спросил Братов, увидев больную руку Николая.

— Пустяки, пройдет, — уверял Николай, — вот привяжу настой из зверобоя, и заживет.

Но Братов не стал слушать и с первым же рейсом отправил его в Перевальное к врачу. Взамен Николая

начальник решил временно поставить Гришу, а самому походить в маршруты в одиночку.

После завтрака Виктор и Гриша отправлялись шликовать. Горные речки шумливы и порожины, а притоки их, зажатые в скалистых бортах, часто непроходимы. Виктор шагами отсчитывает нужное расстояние (шлиховые пробы брали через полкилометра), отмечает на карте место и делает короткую запись в полевой книжке. Гриша нагребает в лоток речного песка и галечника и начинает промывать. В лоток помещается около ведра породы, а после промывки остается горстка темно-серого шлиха. Работа не очень трудная, но требует сноровки: нужно внимательно следить, чтобы не смыть тяжелые песчинки. Промывка ведется так же, как это делают старатели при добыче россыпного золота, только те смывают из лотка и шлих, оставляя на дне одни золотишки.

Гриша и раньше слышал от геологов, что шликованием можно искать не только золото, но и платину, вольфрам, олово...

Обучая Гришу шликованию, Павел Осипович объяснял:

— Все тяжелые минералы вместе с песком переносятся речной водой, но они раньше легких песчинок осаждаются на дно. Иногда тяжелых минералов накапливается много в одном месте: в песчаных косах, на изгибах рек. Если река большая и древняя, то на берегах ее образуются террасы, сложенные из множества слоев речного песка и галечника. В террасах на глубине могут оказаться слои, богатые полезным металлом. Это склады, созданные природой. В них тысячелетиями песчинка за песчинкой накапливался металл.

Павел Осипович сделал паузу и посмотрел на единственного своего слушателя. Гриша сидел на крупном валуне, упершись черенком скребка в прибрежный пе-

сок. Карие глаза мальчика полны настороженного внимания.

— Как же искать эти чудесные кладовые? Ведь маленькие золотинки не увидишь глазом в куче всего песка, — продолжал Братов, чуть улыбнувшись своему ученику, и сам ответил: — А вот тут-то и пришел на помощь лоток. Лоток и смекалка. Вода накопила золото — вода и поможет добыть его.

— Когда ты наполняешь лоток песком, — геолог постукал чернем молотка по лотку, — зачерпываешь в него воду и начинаешь сильно раскручивать, перемешивая породу руками и скребком, — песок и галька в лотке перемещаются и распределяются по весу: тяжелые песчинки оседают на дно, легкие всплывают наверх. Золото обязательно останется на дне.

Но Гришу больше всего интересовала рудаковская жила.

— А рудное золото можно найти шлихованием? — спросил он.

— Можно и рудное найти, — заверил его Братов. — Жила, как бы она прочна ни была, от времени все равно разрушается, отдельные песчинки и обломки от нее попадают в воду. Вблизи от места, где залегает жила, в речке обязательно встретятся золотые песчинки, и чем ближе к залежи, тем их больше. Могут даже оказаться самородки.

Каждый день после завтрака Виктор и Гриша отправлялись в шлиховой маршрут. Чаше опробовать приходилось боковые притоки, а не главную речку.

Однажды, перед тем как войти в очередной ключ, Виктор сказал:

— Вот что, Гриша, у меня накопилось много работы с дневником. А начальник, сам знаешь, ни одного дня на камералку не даст. Ты пойди один. А я посижу здесь, дневник обработаю. Обратно пойдешь, встре-

тимся. Ты не боишься? — спросил он, отводя глаза в сторону. — Я тебе карту и компас дам.

— Нет, не боюсь.

Предложение Виктора показалось заманчивым. Идти самому с картой и компасом было заветным желанием Гриши. Не велика беда, что в верховьях пустынного дикого ручья немного жутковато. Особенно пугают густые заросли кустов и темных елей у русла ключа.

— Только на таборе никому ни слова, — предупредил Виктор.

Гриша согласно кивнул головой.

Вот это настоящее дело! И хотя подниматься вверх по ручью можно без карты (куда же собьешься, если с обеих сторон крутые склоны), Гриша все же через каждые сто метров доставал планшет, компас и ориентировался, стараясь отыскать на местности все, что на карте изображено изгибами горизонталей.

Позднее у Виктора часто стало появляться желание «поработать» над дневником, и Гриша привык ходить один. Под вечер он возвращался к своему начальнику и нередко заставлял того сладко похрапывающим около небольшого костра.

Золота в шлихах не попадалось. Гриша уже начинал думать, что ничего нового о рудаковской жиле они так никогда и не узнают и все таинственное и необъяснимое, связанное с Большой тропой, останется навсегда тайной.

ДЕНЬ СЮРПРИЗОВ

Каждый день (если удавалось возвратиться в лагерь засветло) Валентина Гавриловна или Павел Осипович смотрели шлихи под лупой. Ни одной золотинки! А в маршрутах никаких признаков золоторудного кварца. Нет утешительных вестей и из второго отряда. Вначале сезона неудачи огорчали мало: оставалась надежда — все еще впереди. Теперь же с каждым днем геологи все больше мрачнели. Помимо основной работы — составления карты — нужно дать и окончательное заключение: следует ли продолжать поиски золота в бассейне реки Каменной. Результаты работ говорили: не следует, но делать отрицательный прогноз не хотелось.

За последнюю неделю неузнаваемо изменилась тайга: поблекла зелень, на склонах вспыхнули пятна желтизны и багрянца. А вчера ночью упал первый снег. Правда, он растаял утром, еще до завтрака; и

все же, несмотря даже на сильную жару в середине дня, чувствовалось: приближается осень.

Сегодня маршрут выдался особенно трудный. По водоразделу, похожему издали на гребень с поломанными зубьями, пройти не удалось. Братов спустился ниже и карабкался по самому крутику. Если смотреть на склон издали, особенно в ясную погоду, он похож на отвесную скалу с выступами в виде пиков и башен. В горах теряется ощущение глубинности: в поле зрения попадают предметы, удаленные на такое расстояние, какое в равнинной или холмистой местности находилось бы далеко за чертой горизонта. Наблюдателю хребет кажется плоским. И нужно на опыте убедиться в ошибочности своих представлений, чтобы научиться правильно видеть горы.

Братов знал все многообразие гор, побывал в самых глухих уголках и видел их с вершин, со склонов, со дна долин и ущелий. В хребтах есть такие места, куда и охотники не заглядывают. Кто и зачем станет забираться хотя бы вот сюда, на склон, карабкаться несколько часов подряд только затем, чтобы достичь голых каменистых скал. Под ногами геолога открывалась картина, какую можно наблюдать разве только еще с борта самолета. Видна вся долина от устья речки до ее истока, замкнутого потухшим скал. Широкое плоское дно ледниковой долины разделено надвое узкой, почти прямой, трепетно подвижной ленточкой водотока. В верховьях реки со скалистого уступа-ступени свисает серебристая на солнце нить водопада. Шум его не долетает до слуха. На бортах долины, чуть выше потюжия, пролегла извилистая и ломаная линия верхней границы леса.

На крутом противоположном склоне долины на фоне ослепительно сверкающего снега Братов заметил несколько темных точек. Павел Осипович долго приглядывался и все не мог понять, неподвижны они или

перемещаются. В первом случае это могут быть выступающие из-под снега глыбы, во втором — изюбры. Только через минуту Братов разглядел, что темные точки передвигаются по снежному полю. В жару животные, спасаясь от мошки, уходят на снег в горы, где прохладный ветерок отгоняет назойливых насекомых. Изюбры чутки и пугливы, и геологам редко удается видеть их вблизи — звонкие удары молотка издали пугают зверей. Сейчас разглядеть животных можно было бы лишь в бинокль, но Братов не носил его с собою.

Геолог перевел взгляд вниз. Перед устьем речка врезается в дно долины, пропилив в массиве горных пород узкую и глубокую щель — каньон. Вода, зажатая с боков, падает с уступа на уступ, многопудовой тяжестью бьет в каменные стенки и дно, упрямо прорывая себе самый короткий путь в долину реки Каменной. Дно каньона — настоящая утроба гор: там всегда сыро, мрачно и даже в середине июля сохраняются толстые глыбы голубовато-зеленого и прозрачно-синего льда. В ущелье неистовый рев потока глушит все другие звуки. Но наверх, где стоит Братов, этот шум едва долетает отголоском однотонной унылой песни.

Зима никогда не покидает горы совсем — она рваными клочьями снега остается в тенистых расщелинах, на макушках хребтов, на дне глубоких ущелий. Снег на склонах за лето уплотняется и твердеет, идти по нему опасно: стоит поскользнуться, как покатишься вниз, и понадобится лишь несколько секунд, чтобы вылететь на глыбовую россыпь у подножия горы. Пересекая снеговой намет, Братов осторожно продвигался. «Среди камней нелегко будет искать труп», — не всерьез подумал он, глянув вниз на убегающее из-под ног снежное полотно. И вдруг он заметил торчащий из-под снега острый угол глыбы. Внимание геолога привлекли белые жилки на темном фоне камня. Вда-

вив ступни ног глубже в снег, он начал потихоньку отбивать молотком кромку глыбы. Острые осколки камня скатывались вниз, не задерживаясь на снегу.

Внезапно послышался далекий лай собаки, который сразу же сменился жалобным визгом. Братов резко обернулся — ноги выскользнули из углублений, он упал на спину и стремительно покатился вниз, инстинктивно стиснув в ладони ручку молотка. Скольжение немного затормаживал рюкзак за плечами, образцы пород, уложенные в него, под тяжестью тела вдавились в снег, прочерчивая неглубокие борозды. Несколькими сильными и резкими движениями перевернулся через спину и выбросился на край снежного полотна — коленом ударился о выступ обнажения и врезался в гущу цепкого колючего кустарника. В результате удачного маневра Братов отделался царапинами на руках и лице, ссадинами да разодранными вдоль гач брюками. Некоторое время он сидел оглушенный, все еще переживая неудачу, браня себя за неловкость и радуясь благополучному исходу. Ощупал кровоточащую царапину на левой ноге, поморщился от боли, но, вспомнив выдуманную кем-то поговорку: «геолог не собака — на нем быстро заживает», — повеселел. Выскреб комочки снега из ботинок, сам себе сказал вслух:

— Все хорошо, что хорошо кончается, — и собрался идти дальше. Возвращаться наверх, к глыбе сланца, не имело смысла, да и времени уже оставалось, чтобы только-только успеть засветло прийти в лагерь. Но тут ему снова померещился посторонний звук. На этот раз скрип дверных петель. Братов оглянулся, будто ожидал увидеть неподалеку избушку со скрипучей дверью, но вокруг одни голые камни да тощий кустарник, и только глубоко внизу темнеют заросли кедрача. В горах нередко бывает, когда утомленное тишиной ухо вдруг различает знакомые, но

чуждые месту звуки: крик петуха, лязг металла или далекий гудок автомобиля.

Павел Осипович пошел склоном, постепенно спускаясь вниз. Примерно через час, уже на ровном месте, он остановился под огромным кедром. Мохнатые лапы ветвей под тяжестью шишек свисали почти к самой земле. Маршрутки имели обыкновение приносить в лагерь рюкзаки, набитые пахучими смолистыми шишками, шишки пекли в горячей золе, вытапливая смолу, и щелкали орешки, разбрасывая возле костра коричневатую шелуху. Братов, не влезая на дерево, настибал шишек молотком и ползал по сухой хвойной подстилке, собирая их в рюкзак. Под руку попался торчащий из земли сучок. Геолог выдернул его, намереваясь швырнуть в сторону. Сучок оказался прямым и поразительно тяжелым. Очистив находку от прилипшей хвои, Братов с изумлением увидел у себя в руках не палку, а заржавленный ствол винтовки.

Разглядывая изъеденный временем ствол, он услышал треск сучьев неподалеку. Кто-то приближался сюда. Первая мысль — медведь! К счастью, сегодня оружие при себе. Геолог прислонился к дереву и вынул из полевой сумки пистолет. Судя по треску в кустах, зверь находился в нескольких шагах, но оставался невидимым в гуще зарослей. Братов привычным движением передернул затвор. Резко лязгнул металл: шум в осиннике прекратился — медведь насторожился. Тягостная тишина оборвалась — послышались быстрые тяжелые шаги: зверь убежал вниз по долине, в ту сторону, куда нужно идти геологу.

Любоваться находкой не было времени. До наступления темноты осталось немного, нужно спешить в лагерь. Ржавый ствол Братов сунул в рюкзак. На досуге будет время рассмотреть лучше.

«Не могла ли эта винтовка принадлежать кому-нибудь из экспедиции Рудакова? — размышлял Бра-

тов, идя по лесу, и сам себе отвечал: — Вряд ли. Рудаковское золото на Большой тропе, а тропа в долине Каменной. Все это верно, — думал он, — но нет ли какой-нибудь ошибки в легенде? И золотая жила Рудакова, может быть, вовсе не на тропе?»

Первое время он шел осторожно, с опаской поглядывая в стороны: не притаился ли где зверь. Случайно геолог вышел на хорошо проторенную звериную тропку. Она вела в нужном направлении. В тенистых местах на утопанной земле сохранялся тонкий слой снега, первого в этом году. Как ни быстро шагал Братов, но от его внимания не ускользнул свежий отпечаток крупной лапы. Мимходом геолог наклонился, чтобы лучше рассмотреть форму медвежьей ступни.

Но его ждала новая загадка — след был не медвежий. На подтаявшем снегу четко обозначился отпечаток чинга, даже под пяткой выделялась драгвенная строчка. «Сегодня день сюрпризов», — подумал Братов. Он долго сидел на корточках, рассматривая след с таким удивлением, словно видел не след обыкновенного человека, а отпечаток ступни живого динозавра.

Напрашивалась мысль: не этот ли человек подходил к месту, где Братов нашел винтовочный ствол?

С утра Гриша был невесел. Проснулся рано и долго лежал в спальном мешке, слушая шум речки, треск костра, чьи-то шаги на таборе, и все глядел на два осиновых листа, упавших на просвечивающий верх палатки. Он никак не мог понять, почему вдруг стало тоскливо, о чем напомнили эти два желтых листочка? «Да, осень», — догадался он. Осень, осень, — говорили желтые листочки, — скоро первое сентября! Так вот почему тоска защемила сердце. Никогда раньше не поверил бы Гриша, что простое воспоминание о школе и товарищах может вызвать такую радостную и тревожную грусть. Как далека от него школа, друзья, учителя. И отсюда, из далекого геологического лагеря, обыденная школьная жизнь со своими нехитрыми радостями и печалями манит еще сильнее, неудержи-

мее. Вспомнилась семья, младшие братья и сестренка. «Надо будет им всем подарки привезти», — подумал Гриша. Он не может понять, отчего ему грустно: оттого ли, что родные и друзья далеко, или, напротив, оттого, что через несколько дней придется расставаться с отрядом, с таежной жизнью, с маршрутами по ручьям... Наверно, и Наташа скоро уедет в город, если уже не уехала.

И после, когда они с Виктором шли к началу маршрута, Гриша думал все о том же. Красные листья осин трепещутся на легком ветру, срываются и падают под ноги... а ему кажется, будто осенний ветерок шумит в ветвях тополей перед окнами школы, пыльным столбом кружится по асфальту, шурша опавшей листвой и аккуратно укладывая ее вдоль кромки тротуара. Шагает Гриша следом за Виктором, прыгает по валунам, а мысли уносят его далеко-далеко.

Первую пробу взяли в устье речки. Здесь кое-как удалось найти немного намытого у берега песку и гальки. Речка с шумом бурно вытекала из лабиринта скал, которые спускались почти к самому устью. Отсюда, снизу, долина ее не видна, и, если бы не карта, поток воды можно было бы принять за протоку Каменной. Гриша по опыту знал, что в таких случаях речка вытекает из узкой и глубокой расщелины-каньона. Вода, вихрастая, вспененная, катится прямо по каменному ложу. Шлих здесь не намоешь: не только песчинки — камни уносятся течением. Но пройдешь дальше, выберешься из теснины, и речка снова станет обычной, прозрачной, торопливой, как все горные реки с песчаным и галечниковым руслом. Вода в реке светлая-светлая: видна каждая песчинка, и от того, какие породы размывает поток, зависит цвет воды. Дно русла то устлано розовой и красноватой галькой гранитов, то зелеными и черными сланцами, то пест-

рыми сирневыми, желтыми и коричневыми эффузивами или розово-белыми и голубыми мраморами.

Пока Гриша неторопливо промывал шлих, Виктор на камнях разжег костер. Гриша слил темно-серую массу шлиха в мешочек и обмыл лоток. Коллектор сидел подле огня, ловил крупных муравьев, хвостиками протыкал им черные глянцевиые брюшки и отпускал на волю, наблюдая, как они неловко корячатся, волоча по траве хвою.

— Ну, пошли, что ли, — нетерпеливо сказал Гриша.

Коллектор поднял голову с таким видом, словно только что заметил промывальщика, и улыбнулся знакомой льстивой улыбкой.

— Ты иди, Гриша, один. Я над дневником посижу, у меня тут малость подзапущено.

Он, как обычно, протянул Грише выкопировку с топокарты и компас, а сам с деловым видом начал что-то исправлять в дневнике. Эта комедия Грише уже не в диковинку. Он прекрасно знал, что работы над коллекторским дневником не ахти как много, чтобы и впрямь сидеть по целым дням. На этот раз ему совсем не хотелось идти в маршрут одному. Но возражать он не стал.

Едва мальчик отошел от костра, как речка привела его ко входу в сырое ущелье. Поток, стремительный, вепенный, вырывался на простор, захлестывая лежащие в русле валуны. Некоторое время Гриша пробирался вдоль одной из стенок каньона, но скоро вынужден был отступить — путь преграждал отвесный уступ. Тяжелая струя воды падала с него, забрызгивая все вокруг мельчайшей водяной пылью. Стоял непрерывный грохот; было сыро и полутемно; над головой виднелась только неширокая полоска неба.

По стенкам ущелья рос цепкий кустарник и лепились одиночные деревца лиственниц. Обжигая ладони

о колючие заросли, Гриша выбрался наверх. С двадцатиметровой высоты смотреть на белесую ленту металлически гремющей воды куда интереснее. Некоторое время Гриша сидел у края обрыва, бросал вниз камни, потом поднялся и пошел вверх по долине, высматривая впереди место, где должен кончиться каньон. На пути мальчику встретилась полянка, густо заросшая брусничником. Ягода уже была крупная и кое-где спелая. Отбросив лоток, Гриша опустился на колени и начал выискивать самую спелую и рясную ягоду. Ползая по земле, он потерял место, где оставил лоток, а когда хватился, долго пришлось шарить глазами между заросшими брусничником глыбами камня, редкими кустиками, сухими пнями и корягами. Позади треснула ветка. Этот звук заставил Гришу вздрогнуть. Оглянувшись, он успел заметить полосатую шубку бурундука, мигом взбежавшего на ближайшее дерево. Только сейчас Гриша как следует огляделся кругом. Мрачная теснота скалистых бортов долины вдруг тягостно поразила его. Сознание полного одиночества неприятно действовало на воображение. Стараясь отогнать гнетущее чувство, Гриша поднялся на ноги и подошел к лотку — наконец он заметил его. Поблизости затрещала беспокойная кедровка.

Дальше на пути встретились густые заросли ольховника с редкими осинками. Листва уже поблекла и поредела, а в гуще кустов пахло сыростью и прелью. Со дна ущелья слышался шум речки, в него вплетались лесные шорохи, трепетно шелестели листья осин, отбрасывая на землю подвижную тень; свежий ветерок мягко раздувал пожелтевшую хвою лиственниц; где-то неподалеку тревожно и жалобно поскрипывало сухое дерево.

Смутное предчувствие недоброго властно охватило Гришу. Это был страх, страх неожиданный, безотчетный, почти панический. Серые каменные скалы и тем-

ные тени леса угнетали своей безжизненностью. Гриша не вынес растущей в нем жути и повернул назад. Хватит Виктору отсиживаться, пусть идет вместе с ним!

Но как только мальчик спустился вниз и завидел жидкий сизый дымок костра, у которого остался Прагин, — все страхи словно рукой сняло. Гриша остановился и присел на ствол огромной поваленной сосны. Виктор наверняка высмеет его.

«Эх ты, а еще парень, бурундуков испугался», — скажет он.

Но и поворачивать обратно одному не хотелось. К тому же Гриша не был уверен, что страх не возвратится к нему вновь, как только он окажется в зловещей долине. А день между тем клонился к обеду...

И Гриша нашел иной выход. Как-то Виктор рассказал ему про коллектора и промывальщика из другой партии, которые на самом деле не ходили по ручьям и речкам, а намывали шлих где-нибудь в одном месте и раскладывали в разные мешочки.

— Нужно только, чтобы оба не выдавали друг друга, — добавил Виктор в заключение. — Тогда порядок.

Грише вспомнилась эта история. А что, если и ему так же поступить?

Рядом с ним на месте вывороченного из земли корневища сосны голубела лужица мерзлотной воды. В нее опрокинулось небо, пронзенное острыми вершинами лиственниц. Гриша спрыгнул с дерева и наклонился над лужей. Вода в ямке небесно-прозрачная, на дне сплошным слоем лежит хвоя, сучья и прошлогодние листья. Из мягкого ложа со дна лужицы на Гришу пристально смотрели глубоко запавшие глаза. Должно быть, оттого, что лицо попадало в тень, выражение его было грустным и даже нависшие над гла-

зами пряди темно-русых волос не оживляли его. Гриша заставил себя улыбнуться. В воду упал листок, подняв мелкую волнистую зыбь, — и отражение расплылось в тысячезубой усмешке.

Потом Гриша долго стоял на одном месте, без цели постукивая чернем скребка о ствол сосны. Наконец он решился. Прошел немного вниз по реке, отыскал подходящее место, намыл шлих, слил его в разные мешочки и в каждый из них положил бумажную этикетку с порядковым номером. Все, казалось, очень просто. Но отчего ему так не по себе? Гриша постоянно с испугом озирался по сторонам, словно боялся, как бы кто не застал его на месте преступления.

На душе было гадко. Мысль о том, что никто не узнает, тешила мало. Разве теперь хватит духу спросить у Валентины Гавриловны:

— Не находили золота в наших шлихах?

Разве он сможет веселиться вместе с другими в вечерних бдениях около костра?

— Самое худшее, по-моему, быть нечестным. Это та же трусость, — как наяву прозвучал в ушах убежденный голос Наташи.

Терзаемый муками совести, мальчик возвратился к Виктору и молча передал карту, на которой аккуратно расставил точки (ровно через полсантиметра), в тех местах, где ни промывальщик, ни коллектор не были.

На лагерь возвратились раньше других маршрутников. Гриша занялся Шариком. Пес охотно принимал из его рук пищу и в благодарность лизал пальцы шершавым мокрым языком. Грише хотелось обнять собаку и расплакаться. Давно уже не было так скверно на душе. Вскоре возвратились Валентина Гавриловна и Петр.

— Виктор, принеси сегодняшние шлихи, — попросила она.

Так бывало почти каждый вечер, но сегодня Грише показалось это необычным. Напрасно он пытался успокоить себя различными доводами, что ничего особенного не случится, пройдет этот день, пройдет еще много дней, никто не узнает, и он сам забудет, и снова на сердце станет спокойно и радостно. Только уж никогда больше Гриша не пойдет на обман. Вскоре из маршрута пришел Павел Осипович.

Было еще светло, когда собрались ужинать. Валентина Гавриловна все еще сидела у себя: Гриша видел ее через откинутые полы палатки. Она спешила просмотреть последний шлих при тусклом свете погасающего дня.

— Валентина Гавриловна, идите ужинать, каша стынет, — позвали ее.

— Одну минутку.

Слышно было, как она укладывает лупу во выючий ящик.

— В одном шлихе я нашла знаки золота, — сказала она, обращаясь к Павлу Осиповичу. — Эта проба взята в устье речки, а в остальных ничего нет — один магнетит.

Гриша почувствовал, как кровь прилила ему в голову. У него сразу пропал аппетит. Он сидел угрюмый и лениво размешивал ложкой чай.

— Гриша, с тобой что? Ты не болен? — спросила Валентина Гавриловна, заметив его кислый вид.

— Нет, ничего, — встрепнулся он, поднял голову и даже улыбнулся, но сам понял, что улыбка получилась вымученная, фальшивая. Гриша чувствовал себя последним негодяем. Валентина Гавриловна недоверчиво покосилась на него.

«Начинается», — подумал он. Ему казалось, что о его поступке догадываются все.

— Виктор, а вы не взяли ни одной пробы по левому притоку, тому, что впадает сразу за каньоном?

— Хотели взять, — не сморгнув глазом, ответил Виктор. — Но туда очень трудно пройти было, и я боялся за Гришу.

«Вот мерзавец!» — Гриша с открытой ненавистью поглядел в лицо Виктору. Видимо, в глазах мальчика было что-то пугающее: Виктор вдруг осекся, не выдержал его взгляда и, смутившись, начал поправлять шнуровку ботинка. Павел Осипович ушел в палатку и вскоре возвратился назад.

— Посмотрите-ка, что я нашел сегодня, — сказал он.

Все по очереди повертели в руках заржавленный ствол.

— От берданы, — сказал Петр.

Больше всех находкой заинтересовался дед Кузьма, он даже чай отставил в сторону.

— Мушка-то самодельная, — вдруг сказал он, заходя ствол в свет костра. — Вот тута пощупай-ка, — указал он на самый кончик.

Снова ствол прошел через все руки, но толк в самодельных мушках мало кто знал. Один только Петр подтвердил:

— Самодельная.

Кузьма Прокопьевич едва дождался, когда ствол возвратился к нему назад. Кончиком ножа очистил налет ржавчины и еще раз ощупал мушку.

— Я ее насаживал сам, вот этими руками, — неожиданно заявил он, показывая всем широкие мозолистые ладони. Он склонился лицом почти к огню и, сморщившись от нестерпимого жара, долго глядел на ствол при общем настороженном молчании.

— Она самая, — сказал он дрогнувшим голосом и поднял лицо, на котором вдруг молодо заблестели глаза. — Ванюшка Рудаков, дружок мой, просил: «Сделай, — говорит, — Кузя. Обронил бердану, сшиб

старую мушку напрочь». Вместе потом ходили за село пристреливать.

В глазах деда Кузьмы заискрились слезинки: то ли огнем прижгло, то ли вспомнились молодость и давно погибший товарищ.

— Треклятый дым, — сказал он, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

— Вот так штука, — произнес Братов, — бердана Рудакова.

И про себя подумал: «Может быть, там, под кедром, и находится братская могила». Поглядев на ноги деда Кузьмы, обутые в ичиги, Павел Осипович спросил:

— Кузьма Прокопьевич, вы сегодня никуда не уходили из лагеря?

— Далеко нет. Тут, возле, ходил коней смотреть, — ответил тот.

Петр взял ствол из рук конюха и принялся старательно отчищать его золой.

«Кто же был там, у речки? — думал Братов. — И есть ли какая-нибудь связь между моей находкой, следами человека и рудаковским золотом? Надо бы сходить в долину еще раз, да пока времени нет: завтра придется писать месячный отчет в экспедицию».

— Вам никто не встретился у реки? — спросил он Прагина.

— Н-нет. Никто, — ответил Виктор, глянув на Гришу.

Братов решил пока ничего не говорить о следах человека на тропе. Нужно будет завтра потолковать об этом с Петром и Кузьмой Прокопьевичем. Они могут подсказать, чьи это следы. Скорее всего какой-нибудь охотник из Перевального.

— Завтра в маршруты не пойдем, — предупредил он. — Устроим отдых и баню.

Гриша ушел в палатку раньше всех, окончательно

расстроенный. Получалось совсем нехорошо: он не опробовал как раз ту речку, где, возможно, и находится рудаковская жила.

Вскоре мальчик услышал, как в палатку залез Виктор и, наклонившись к его мешку, спросил:

— С тобой ничего не случилось сегодня? А? Может, зашибся?

Гриша промолчал, притворившись спящим. Виктор, сопя, начал разбирать свой мешок. Гриша почувствовал, как в груди помимо воли накапливает ярость к своему ненавистному соседу. Он резко по пояс выбрался из мешка.

— Ничего со мной не случилось! Слышишь? Я сегодня шлихи намыл не в той речке. Завтра все расскажу. Я не хочу никого обманывать.

Удивленный Виктор некоторое время молчал. Потом зло прошептал:

— Никому ты ничего не скажешь, дурак. Если скажешь, тебя в два счета из партии вытурят и в школу напишут. Лучше помалкивай.

Гриша и сам считал, что выгнать его из партии с позором было бы справедливо, но обманывать не хотел. Долго не мог он заснуть. И надо же такому случиться. А что, если именно в этой речке рудаковская жила, и из-за него, из-за Гриши, она останется не найденной? Нет! Этого нельзя допустить. У него созрел ясный план, как искупить свою вину. Завтра намечен день отдыха—банный день. Гриша пойдет один и намоет шлихи там, где сегодня на карте обозначил места невзятых проб. А потом... все расскажет. Скорее бы только утро!

ВЫСТРЕЛ В СПИНУ

В о время завтрака Шарик, ожидавший неизменной подачи, вдруг вскочил и с лаем кинулся в лес за палатки.

— Кого это он учуял?

В кустах слышалось сердитое ворчание, которое постепенно сменилось незлобным. После этого Шарик выбежал на открытое место и, дружелюбно виляя хвостом, прыгал и оборачивался назад, словно приглашал кого-то быть смелее. И верно, следом за ним из кустов выползла другая, черная, собака со стоячими ушами.

— Чего это Шарик вдруг такой гостеприимный? — спросил Павел Осипович, поглядывая в лес, откуда должен показаться хозяин лайки: собака одна

в тайгу не забредет. «Сейчас и узнаем, что за следы были», — подумал он.

Однако никто не появлялся. Все с любопытством смотрели на неожиданную гостью. Та почему-то приближалась к людям ползком и жалко скулила. Гриша первым вскочил на ноги и подошел к собаке. Она продолжала лежать, только подняла на него черные глаза и прижала уши.

— Да она в крови! — воскликнул мальчик.

Тотчас все окружили собаку, даже Виктор подошел ближе и присел подле нее на корточки, держа в одной руке кружку с недопитым чаем.

— Это лайка, — сказал Петр, знаток по охотничьим собакам.

И на самом деле, это оказался рослый, примерно полугодовалый, щенок-лайка, с шириной мускулистой грудью, крупными лапами и гладкой, недавно вылинявшей шерстью. Щенок весь черный, только самая грудь и кончики передних лап белые; уши стоячие, хвост пушистый, серебристый снизу, как у лисицы. Левая задняя нога у щенка беспомощно волочится по земле, шерсть на лапе смокла от крови — крупная рваная рана обнажила мышцы.

— Да никак у него прострел? — догадался Петр.

— Похоже на пулевую рану, — согласился Братов.

Собаке перевязали рану и накормили остатками супа и хлебом.

Имени пса никто не мог угадать, хотя все вместе перебрали десятки ходовых собачьих кличек.

Никто не обратил внимания на Гришу, он неприятно ушел. Взял лоток, рюкзак и двинулся по вчерашнему маршруту, на ходу размышляя, откуда могла появиться собака и кто ее ранил.

С подмытого берега в речку до самой воды склонялись вершины лиственниц. Утро вместе с солнеч-

ным теплом разливало повсюду смолистые запахи леса. Знойные летние краски поблекли, на склонах уверенно пробивалась желтизна. Пахло осенью. В просветы ветвей на щеку Грише падал ласково греющий луч солнца. Он неотступно сопровождал путника, лишь иногда ненадолго прятался за толстым деревом или гас в густой хвое. Поблизости привычно шумела река. Ее холодные волны заплескивались на поваленную у берега корягу, одевая сучья кружевной пеной. На отмелях в затененных местах на валунах еще не стояла наросшая за ночь тонкая пленка льда. Всюду ощущалось приближение холодов, только солнце, по-прежнему щедрое, сияло в бледной синеве неба. На пути иногда попадался мелкий кустарник, оставляющий на гачах свои цепкие семена; поваленные деревья легко разваливались под каблуком в сырую пахучую труху, из каждой червоточины которой выползли суетливые встревоженные муравьи.

В каньон Гриша заходить не стал, а сразу поднялся наверх. Здесь он неожиданно обнаружил хорошую звериную тропку. Идти по тропе куда легче, чем напрямиком, особенно в горной местности. Чем выше забирался мальчик, тем отчетливее становились признаки осени. Она словно спускалась навстречу ему с гор. Вскоре тропа отвернула в сторону, к подножию скал. Гриша обошел ущелье и спустился вниз, к руслу речки. Здесь течение не очень бурное, и можно отыскивать места, где у берега намывается песок. Промывая пробы, Гриша внимательно рассматривал каждый шлик в надежде увидеть золото, хотя и не представлял ясно, как должно оно выглядеть. Но почему-то был уверен, что золото, коль скоро оно попадает в шлихе, не может остаться незамеченным. В первой пробе ничего подозрительного не обнаружил. Но уже во второй внимание его привлекли несколько ярко-желтых песчинок. Он проверил их на тяжесть: если за-

черпнуть воды и, быстро вращая, разогнать массу шлиха по кругу, а потом резко наклонить лоток на один бок, то золотишки непременно останутся позади за черным песком шлиха, а если это просто обманно поблескивающие чешуйки слюды — они будут впереди. Золотистожелтые песчинки оказались позади. Гриша слышал еще про одно свойство золота: оно легко мнется под лезвием ножа и царапается острием. Он проделал все опыты над песчинками: похоже было, что в лотке, действительно, золото. Он подыскал поблизости небольшую песчаную косу и промыл несколько лотков речника.

Золотинок здесь оказалось еще больше. Попался даже один крупный осколок — побольше спичечной головки. Гришу охватил азарт поисков; он начал промывать в каждом месте, где находил речной песок. И с каждым разом золотинок оказывалось все больше и больше. Внимание его привлек один обломок камня, удивительно ярко блестевший сквозь зелено-прозрачную воду. Закатав рукав выше локтя, Гриша достал камень со дна. Остроугольный

обломок, добытый из воды, был наполовину из темного кварца, наполовину из золота. Что это, действительно, золото, Гриша не сомневался — достаточно взять камень в руку, чтобы убедиться в этом по необычному весу самородка. Вдосталь налюбовавшись находкой, он завязал камень в мешочек и уложил отдельно в кармашек рюкзака. Времени он не замечал. Его наполняла сладкая и гордая радость первооткрывателя. О страхах Гриша позабыл.

В одном месте он остановился отдохнуть. Разминая натруженные поясницу и плечи, проделал несколько гимнастических упражнений. Потом легко прыгнул на прибрежный галечник и с размаху упал грудью на камни, спружинив удар подставленными ладонями. Нагнулся и припал к ручью. От студеной воды ломило зубы. Гриша пил небольшими глотками. С глубины из темно-зеленой тины, выросшей на валунах, на него глянуло знакомое лицо. Мальчик радостно, как хорошему другу после долгой разлуки, улыбнулся своему отражению.

Вчерашней грусти не осталось и следа: разгоряченные работой щеки порозовели, на лоб свисали слипшиеся от пота длинные, давно не стриженные волосы, глаза светились задорными огоньками — совесть мальчика была чиста. Теперь при встрече с Наташей он не опустит глаз. Одна только неприятность впереди: придется сознаться в своем обмане. Краска стыда заливала лицо, как только Гриша думал об этом.

Легко вскочив на ноги, Гриша бодро зашагал дальше — нужно спешить: сегодня должны приехать из Перевального. Может быть, в палатке уже лежит письмо от Наташи.

Тревога охватила Гришу внезапно; она вдруг властно вошла в него в то самое время, когда он, каза-

лось, совсем забылся в работе. Просматривая очередной лоток с песком, он неожиданно ясно почувствовал, будто кто-то смотрит на его руки из-за спины. Гриша резко оглянулся: вокруг открытое пустое место. Россыпь из хаотического нагромождения камней, суживаясь, теряется у подножья затененных серых скал. По обе стороны россыпи уступом над долиной возвышается площадка с редкими крупными кедрами и подлеском из березового кустарника. Когда Гриша кинул беглый взгляд к подножью скал, ему почудилось, будто около одного из деревьев что-то шевельнулось, но сколько ни вглядывался, ничего подозрительного не заметил.

Беспричинный страх, овладевший им, усиливали мрачные скалы вокруг. Отчего возникло это нелепое чувство, Гриша не мог дать себе отчета, как не мог избавиться от ощущения, что за ним, не спуская глаз, наблюдает кто-то невидимый. Напрасно пытался он успокоить себя — каждый шорох пугал. Кончив промывать пробу, Гриша все же пошел дальше, преодолевая неудержимое желание бросить все и бежать обратно в лагерь, к людям, где нет за спиной этой враждебной настороженной тишины. В чем заключалась опасность, он не представлял, но что она здесь, рядом, не было никакого сомнения.

Неизвестность не делает страх меньше. Скорее бы войти в лес. Уже подходя к опушке, он еще раз оглянулся. В это время резко, словно удар бича, за спиной у него прогремел выстрел. Гриша кинулся бежать в спасительную чащу леса. Второго выстрела он не услышал. Просто ему почудилось, будто кто-то изо всей силы тяжелой палкой ударил его по плечу. Боль разлилась по телу, вдруг подкосились ноги, и, хотя Гриша продолжал быстро-быстро бежать, ему казалось, будто он не двигается вовсе. Потом он запнулся о сучья, полетел вниз и сильно ударился головой об

острый камень; хотел снова вскочить на ноги, но сумел привстать только на колени: все вокруг вдруг потемнело — он упал на землю, уткнувшись лицом в мох. Страха больше не было, боль почти исчезла, осталось только одно — желание удобней лечь и уснуть. В ушах хлопали выстрелы, они постепенно становились тише и слились в один непрерывный баюкающий звук. Перед закрытыми глазами из прозрачной глубины взволнованной воды улыбалось лицо Наташи.

ГДЕ ГРИША?

После завтрака Кузьма Прокопьевич и Петр занялись приготовлением походной бани. Хотели позвать на помощь Виктора и Гришу, но

ни того, ни другого в лагере не нашли.

Павел Осипович составлял информационную записку, Валентина Гавриловна наносила на карту результаты маршрутов за последнюю неделю.

Обед пока не начинали готовить — с часу на час ожидали обоз с продуктами: должны были привезти немного свежих овощей, по которым все стосковались.

Лошадей ждали все: кому не терпелось прочитать свежие газеты, кто надеялся получить письмо. Обоз по расчету должен был подойти еще вечером, но отчего-то опаздывал. Особенно это никого не тревожи-

ло: случается и поезда не по расписанию приходят, а здесь не железная дорога — тайга.

— Что-то мне сегодня Игорек и Наташа приснились, — сказала Валентина Гавриловна, отложив в сторону раскрытый дневник.

Павел Осипович, не отнимая карандаша от восковки, поднял на нее глаза.

— Да ты не сердись. Я только на минуту оторву, очень сон интересный. Наташа посадила Игорька верхом на оленя и говорит: «Держись за рога, не хнычь — ты мужчина».

Павел Осипович тоже отвлекся от работы.

— Знаешь, Валя, я ведь сам соскучился по ним, по обоим.

— Ну вот, наконец-то хоть раз признался, а то всегда меня коришь: «Заскучала, заныла, ничего с ними не станет, им без нас еще лучше», — торжествуя, проговорила она, подражая интонации мужниного голоса.

— О-гой! — крикнул Петр во всю мощь легких. — Едут! Едут!

Все побросали занятия и высыпали навстречу приближающимся лошадям. Первым на рысях, подхлестывая концом повода серую лошадь, подъехал всадник в ярком малиновом джемпере и зеленой шапочке.

— Ой, Наташка! — тихо воскликнула Валентина Гавриловна и, помолодевшая, легко побежала навстречу дочери.

— Вот бес — не девчонка! — выругался Павел Осипович, пытаясь прогнать с лица невольную радостную улыбку.

— Мама! Мамочка! — Наташа круто осадила разыгравшуюся лошадь и, проворно спрыгнув на землю, бросилась на шею матери. Потом так же быстро подбежала к отцу, спрятав голову у него на груди,

хитрыми, смеющимися глазами посматривала на мать и по-птичьи тараторила:

— Папочка, милый, не ругай меня — я так соскучилась.

— Как там наши живут? Как Игорек? Как бабушка? — спрашивала мать.

Павел Осипович поцеловал дочь и с серьезным лицом погрозил ей пальцем, многозначительно пообещав:

— Мы еще поговорим потом.

Наташа притворилась напуганной, но по счастливым смеющимся глазам отца видела, что ей нечего бояться. Отец может сделать лицо серьезным, загасить улыбку в углах губ, но если его глаза светят вот так, как теперь, то уж верно: никакому наказанию не бывать.

— Все у нас хорошо; Игорек здоров, бабушка тоже, — отвечала она матери.

— С бабушкой все ругаетесь?

— Нет. Мы с ней мир заключили.

— Давно?

— Уже четыре дня.

— Ох ты и хитрущая. Это чтобы бабушка позволила поехать к нам? Представляю, как ты с ней лисила.

— Да нет же, мама. Мы с ней просто по-честному.

— Ну ладно, ладно...

Подошли остальные пять лошадей и с ними проводник и завхоз партии Артемов. Все принялись развучивать коней.

— А где же Гриша? — наконец спросила Наташа. Она уже давно взглядом отыскивала своего товарища.

— В самом деле, где же Гриша?

— И Виктора не видно, — сказал дед Кузьма.

— Ну, Виктор спит, наверное.

— А Гриша не болен ли? Вчера он что-то плох казался. Не лежит ли он у себя?

— Где они живут?

Наташа вмиг подскочила к палатке и, тихонько побарабанив пальцами о звонкий брезент, спросила:

— К вам можно?

Никто не отозвался.

— Да их никого нет! — воскликнула она, заглянув внутрь.

— Виктор на охоту ушел, — вспомнил дед Кузьма. — Он у меня утром ружье взял.

— А Гриша не с ним?

— Не видел.

Байкал радостно прыгал вокруг Павла Осиповича и все пытался положить ему лапы на плечи.

— Отстань ты от меня, — в сердцах отталкивал его начальник.

— А что это у вас за собака? — спросила Наташа, заметив свернувшуюся в клубок раненую лайку.

Байкал тоже прыгал вокруг незнакомца, приглашая играть. Тот неохотно тяжело поднялся на ноги. Байкал обнюхал его и оставил в покое.

— Куда же ушел Гриша? — снова спросила Наташа, ни к кому не обращаясь. Из последнего письма она знала о недружелюбных отношениях Гриши с коллатором Прагиным. Странно, если они, действительно, вместе пошли на охоту. У Наташи было столько интересных новостей; их необходимо немедленно рассказать Грише. Новости отчасти касались и его.

Виктор и Гриша не появились и к обеду. С полудня лагерь опустел: кто сидел в палатке, просматривая почту, кто направился в походную баню.

К вечеру Гриша, конечно, вернется, но не в правилах Наташи томить себя ожиданием. Она надела на Байкала ошейник, крепко привязала к нему веревку,

завела собаку в ребячью палатку, заставила понюхать Гришин спальный мешок и шепотом приказала:

— Ищи, ищи!

Байкал понимающе рванулся к костру: Наташа, опасливо косясь на палатку родителей, следовала за ним, силой удерживая рвавшегося вперед Байкала. Он суетливо пометался между костром и палаткой, принюхиваясь к следам, и, наконец, решительно направился в лес. Наташа, едва поспевая, бежала следом за ним.

— Наташа! Наташа! — услышала она голос матери. — Где ты?

Девочка в нерешительности остановилась. Байкал продолжал тянуть ее вперед, в кусты.

«Ну, ничего. Я же скоро вернусь. Поругают немного и все, — успокоила себя Наташа. — Гриша где-нибудь недалеко».

— Гав, гав, — нетерпеливо тьякнул Байкал.

— Ладно, пошли, — вслух решила она. — А то нас услышат.

Вначале они пробирались вдоль берега по песку и валунам, потом Байкал увел ее в лес.

Дни в конце августа еще длинные. Все уже помылись в бане и собрались около костра в ожидании ужина. Подошла Валентина Гавриловна. Только что вымытые волосы у нее блестели и были темными.

— А ведь Наташи все нет и нет, — сказала она, усаживаясь рядом с мужем. — И Виктор с Гришей не возвращаются.

— Вот он, Виктор идет, — сказал Петр, как всегда, первым услышав шаги.

В самом деле, из лесу подходил Виктор.

— Виктор, Витя! — сразу в несколько голосов позвали его.

Он подошел, несколько смущенный неожиданным интересом к нему.

— Где Гриша?

Виктор, должно быть, не сразу понял, что вопрос относится к нему: он пожимал руки приехавшим завхозу и проводнику.

— Ты не знаешь, где Гриша?

— Гриша? — переспросил Прагин. — Нет. Не знаю. А разве его нет?

— С самого утра не видно. Мы думали, он вместе с тобой.

— Н-нет. Я ходил один.

Виктор отдал ружье Кузьме Прокопьевичу.

Дед Кузьма неторопливо переломил ствол и заглянул внутрь.

— Э, нет, — сказал он, возвращая ружье обратно. — Так не годится. Любишь кататься, люби и саночки возить. Стрелял — почисти.

Некоторое время все сидели молча.

— Знаешь, Павел, — решительно обратилась Валентина Гавриловна к мужу. — Мне эта история начинает не нравиться. Куда пропал Гриша? Где Наташа?

— Она ушла с Байкалом, — задумчиво произнес Павел Осипович.

Валентина Гавриловна неожиданно рассердилась.

— Вы с бабушкой вовсе испортили девочку: во всем потакаете ей.

— Может быть, мы не будем сейчас ссориться? — тихо спросил Павел Осипович.

— Ну ладно, извини меня, — так же ровно ответила она. — Но я не могу быть спокойна. Нужно что-то делать.

— Я тоже об этом думаю. Наташа, конечно, пошла по его следам. Но куда мог уйти Гриша? Почему у него вчера был такой расстроенный вид?

Начинало смеркаться. Полагая, что ребята находятся где-нибудь поблизости, но потеряли направление к лагерю, по обе стороны долины взобрались на горы по двое и до темноты во всю мочь кричали. Оставшиеся на таборе заготавливали дрова, на случай, если придется поддерживать огонь ночью. Один только Виктор ушел в палатку, сославшись на усталость. В темноте все вернулись в лагерь. Каждый надеялся, что другие отыскиали ребят, но ожидания оказались напрасными. Ужин прошел в молчании. Только временами кто-нибудь отходил в сторону и бросал в темноту зычный крик:

— Га-го-гой!

Это должно было служить звуковым маяком. Все долго вслушивались в слабые отзвуки далекого эха. В костер непрерывно подбрасывали, огонь взметывался длинными языками на высоту деревьев и освещал не только палатки, но и часть реки.

Высказывали различные догадки, но от этого становилось только тошнее.

— Ш-ш! Кто-то идет, — это сказал Петр, чуткое ухо его уловило еле слышный в кустах треск.

— Байкал! Смотрите, Байкал!

Валентина Гавриловна с шумом облегченно вздохнула.

— Ох, и задам же я ей сейчас.

Все всматривались в темноту, ожидая появления ребят. А Байкал меж тем, не переставая, прыгал, оборачивался назад и лаял в темноту.

— У него на шее что-то привязано, — снова сказал Петр.

Павел Осипович схватил собаку за ошейник и отвязал тряпку. Это оказался носовой платок, стара-

тельно сложенный в несколько рядов и крепко прикрученный к ошейнику шнурком от ботинка. На внутренней стороне платка карандашом крупно написаны слова: «Гриша ранен, идите за Байкалом». А вместо подписи одна буква «Н».

— О! — не выдержала Валентина Гавриловна. — Что с ними случилось?

В эту минуту мысль о наказании дочери оставила женщину. Только бы Наташа возвратилась скорее из этой жуткой, полной ненужных тайн, зловещей темноты, опустившейся на горы.

— Виктор и Петя, берите карабин и ружье, пойдете со мной! — распорядился Павел Осипович. — Валя, отыщи фонарик. Он должен быть в ящике.

— Я тоже пойду с вами, — сказала Валентина Гавриловна.

— Нет, Валя, не надо.

— Павел, не мудри. Я должна идти.

— Ну, хорошо, — неохотно согласился начальник.

Он сам знал: ожидание гораздо томительней в бездействии.

— Григорий Николаевич, — позвал он Артемова. — Вы идите спать в нашу палатку. В ящике документы. Нужно, чтобы кто-нибудь был из людей. Поддерживайте огонь.

Прагин вышел из палатки, наспех одетый, в незашнурованных ботинках. Он, видимо, спал, но против обыкновения его лицо не выглядело заспанным.

Байкала трудно удержать — так он рвется вперед. Однако приходится идти осторожно: света от двух фонариков слишком мало. Петр на ходу ободрал кору с нескольких берез и, поддев бересту на палку, соорудил факел. Идут молча, только предупреждают друг друга:

— Осторожней, обрыв. Петя, посвети.

Но у каждого в уме одни и те же вопросы: зачем Гриша ушел так далеко? Что с ним случилось? Наташа написала: ранен. Но «ранен» — слишком неопределенно. Сломал ногу, руку или зашибся на камнях — все будет ранен.

НАТАШИН ПОИСК

Н

аташа не ожидала, что поиски товарища заведут ее так далеко от лагеря. Но отступить не хотела. Интересно, зачем Гриша ушел в такую даль?

Ей немало труда стоило добиться у бабушки разрешения на поездку. Только помощь завхоза, пообещавшего не спускать в пути глаз с девочки, окончательно сломала сопротивление упрямой бабки. А поездка была просто необходима Наташе. Во-первых, хотелось повидать отца и мать. Во-вторых, еще раз вдосталь прокатиться верхом. Хозяин дома, где они жили, часто разрешал ей садиться на своего саврасого жеребца, но разве сравнимые вещи: поездка до озера и путешествие в верховьях Каменной? И, наконец,

еще одно: увидеть Гришу. У Наташи и раньше были друзья среди мальчиков, но Гришу она как-то сразу выделила из числа остальных знакомых. Возможно, причиной послужила необыденность их первой встречи и общие тайны.

Впереди на фоне бледного неба, окруженный шербатыми скалами, взметнулся ввысь островерхий голец. Полуденное солнце прощальным жаром обливает горы, но ветерок, налетающий от них, приносит не зной, а прохладу заснеженных вершин. Шум ветра в макушках деревьев скрипичной мелодией плавает в воздухе; из мрачной сырой глубины ущелья, вдоль обрыва, над которым пробирается Наташа, песней флейты звучит голос потока; дробными ударами литавр рассыпается грохот внезапных обвалов в скалах. Чуткое ухо Наташи улавливает тончайшие оттенки этой неповторимой горной симфонии.

Несколько раз Байкал терял след — это случалось около речки — и, обеспокоенный, начинал водить Наташу взад и вперед по берегу. Потом снова отыскивал, радостно таял и сильнее натягивал веревку, оглядывался на ходу, словно укорял хозяйку, что она не поспевает за ним. Наташа почти бежала за собакой, с акробатической ловкостью прыгала по валунам, проползала под сваленные деревья, продиралась через густой царпающий кустарник. Ей все время приходилось глядеть под ноги, и она только мельком замечала, что вокруг становилось все глуше и неприглядней. Лес в долине поредел, стволы стали невысокими, нестройными; местами от подножия негостеприимных тенистых скал до самой реки спускались осыпи серого камня. Здесь между глыбами только пахучий зверобой да душистая смородина. На ходу Наташа временами успевала оборвать несколько крупных коричневых ягод. Каменная смородина имеет немного горьковатый вкус, но зато запах у нее гуще и

приятней. В одном месте Наташе почудился дымок в стороне от речки. Она хотела проверить, так ли это, но пес чересчур добросовестно выполнял свое задание и влек ее дальше, не позволяя задержаться даже ненадолго.

Лишь под вечер Наташа отыскиала Гришу. Байкал сильно рванулся вперед — она выпустила из рук веревку. Пес подбежал к краю ямы, радостно и тревожно негромко залаял, оглядываясь на Наташу. На дне старого заросшего травой шурфа, неловко отбросив руку, ничком лежал Гриша. Его волосы были засыпаны песком; рядом лежала поношенная серая кепка, хорошо знакомая Наташе. В нескольких шагах от шурфа, на камнях, валялся расколотый лоток. От всей этой картины веяло жутью и безжизненностью.

— Гриша! — Наташа прыгнула на дно ямы и только тут разглядела густое кровавое пятно на заплечье Гришиной рубахи.

— Гриша! Что с тобой? — понизив голос до шепота, спросила она. Девочка опустилась на колени рядом с безжизненным телом подростка. Байкал сидел у края шурфа и смотрел на нее умными глазами. С кончика языка у него капала слюна.

— Гриша! — Наташа пригнулась к самому уху и притронулась пальцами к волосам, чтобы стряхнуть песок, и сразу же резко отдернула руку — волосы были влажные, липкие.

«Кровь»! — догадалась Наташа.

— Гриша! — еще раз прошептала она, начиная уже приходить в отчаяние от его безмолвия. До нее только теперь начал доходить страшный смысл случившегося. Она решительно обхватила раненого за плечи и приподняла.

— А-а-а! — тихо простонал он. Но даже этот слабый стон возвратил ей бодрость. — Гриша, жив!

Наташа с трудом повернула его безвольное тело вверх лицом. Мальчик открыл глаза.

— Что случилось?

Но он ничего не ответил.

На дне шурфа было сыро и тесно. Прежде всего Наташа попыталась вытащить Гришу наверх, но это никак не удавалось ей. Она уже совсем измучилась, когда Гриша вдруг пришел в сознание.

— Это ты, Наташа? — удивленно спросил он.

С помощью девочки ему удалось выползти из ямы. Наташа наломала поблизости лиственничных веток и устроила ложе у подножия огромной сосны.

Тяжелый и сырой от шлихов рюкзак она сняла с Гришиных плеч и отбросила в сторону за дерево. Потом в кепке принесла из речки воды, напоила Гришу и обмыла глубоко рассеченный лоб.

— Что с тобой?

Гриша вспомнил все, что с ним произошло, и спокойно оглянулся по сторонам.

— Ты одна пришла?

— С Байкалом.

— Никого не видела?

— Нет.

Гриша хотел рассказать ей, как он нашел золото,

как кто-то стрелял в него, но мысли его снова спутались. Он не мог даже встать на ноги. Временами к нему возвращалось сознание, но сразу же начинала кружиться голова. Рука и весь левый бок свинцовой тяжестью сковывали движения.

Из бессвязных слов Гриши Наташа поняла только одно: кто-то стрелял в него. А что делал мальчик здесь, вдали от лагеря, кто стрелял в него — оставалось неясным.

Кто ранил Гришу? Что вообще произошло здесь? Тревога охватила девочку: возможно, преступник и сейчас скрывается где-нибудь неподалеку. В любую минуту может прозвучать выстрел. Надо сделать укрытие.

Наташа наломала сосновых веток и сплошной стеной наставила их вокруг Гришиного кресла, спинкой которому служил комель сосны, — все-таки безопасней.

Одно только бодрило Наташу: Байкал не проявляет признаков беспокойства — значит, поблизости нет чужих.

Быстро надвигались сумерки. Становилось прохладно. Над речкой и по сырым расщелинам скалистого склона поползли дымки тумана. В сгустившейся тишине явственнее раздавалось журчание воды. Холодные тени скал накрыли долину. Только небо еще золотилось над горами. Спичек ни у Наташи, ни у Гриши не нашлось, а ночь обещала быть морозной.

Вдруг Наташу осенила мысль.

— Гриша, у тебя бумага и карандаш есть?

Карандаш у Гриши нашелся, но бумаги не было ни клочка. Пришлось писать на носовом платке. Наташа писала крупно, чтобы буквы сразу бросались в глаза. Остаться в темноте без Байкала еще неприятнее, но лучшего ничего не придумать. Собака тоже не хотела покидать их.

— Байкал, ищи маму. — Наташе пришлось несколько раз повторить приказание, прежде чем умная овчарка, недовольно оборачиваясь, убежала вниз по долине.

После этого Наташа села под дерево, тесно прижавшись к здоровому плечу Гриши: так было теплее.

— Тебе не очень больно?

— Нет, — бодрясь, ответил Гриша. Его начинало лихорадить.

Наташе хотелось расспросить товарища подробно обо всем и поделиться новостями, но Гриша, по-видимому, не мог слушать ее и отвечал невпопад.

Ночь становилась зловеще черной.

Наташа временами осторожно, чтобы не беспокоить Гришу, поправляла свои немеющие ноги и все вслушивалась и вглядывалась в темноту.

НАТАША ВЕДЕТ СЛЕДСТВИЕ

В палатку Гришу принесли на самодельных носилках рано утром. Мальчик почти все время был без сознания. Про рюкзак Наташа не вспомнила, и он остался лежать около старого шурфа.

В тот же день в Перевальное уехали завхоз и проводник. В короткой записке, адресованной председателю сельсовета, Павел Осипович сообщал о странных событиях последних дней, просил известить обо всем милицию и посодействовать немедленной отправке врача. Везти Гришу на верховой лошади по труднопроходимой тропе вряд ли было разумно. Про Наташу в спешке как-то совсем забыли. А девочке нужно было тоже возвращаться в деревню, где ожидала бабушка, уже готовая к отъезду в город.

С утра погода стояла пасмурная, солнце не выглядывало, а к обеду заморосил дождь. К ночи он сменился снегом. Видимо, погода испортилась на несколько дней: геологам предстояло вынужденное безделье. Да сейчас об этом никто и не печалился. Необходимо узнать прежде, кто стрелял в Гришу и как опасен этот человек для них. Один он, или здесь скрывается целая банда? Нужно расспросить Гришу, зачем он ушел из лагеря в выходной день. Но больной все не приходил в сознание. Около него постоянно дежурили Валентина Гавриловна и Наташа. Чтобы Грише не было холодно, разложили неподалеку от входа небольшой костер; жар от огня проникал в распахнутый вход палатки. От этого внутри ее становилось тепло и сухо.

Валентина Гавриловна перенесла свой мешок на место, освобожденное Виктором, чтобы ночью неотлучно находиться возле больного. На всякий случай все оружие, какое имелось в отряде, держали наготове. Караульных на ночь не выставляли, полагаясь на бдительность Байкала и Шарика. Подстреленная собака в расчет не принималась.

Ночь прошла спокойно. Только Гриша раза два просил пить. Валентина Гавриловна поднималась, наливала воды из чайника, поставленного вблизи костра; попутно подкладывала дров в огонь. В середине ночи к ней прибежала Наташа.

— Мамочка, я к тебе лягу? — попросилась она, и, забираясь в нагретый мешок матери, спросила:

— Как Гриша?

— Болит у него, но он крепится. — Она повернулась на бок, чтобы удобней было лежать вдвоем.

— Ты спи, мама. Если что нужно будет, я сделаю.

Следующее утро застало лагерь засыпанным слоем мягкого снега, который приглушал все звуки. Вокруг безмолвно, бело, только речка контрастно выделялась

своей чернотой и шумела по-новому, грустно. От всех палаток к костру вели тропки, обнажающие траву, кустарник и камни.

Снег непрерывно падал крупными мягкими хлопьями, но к обеду на земле его стало меньше. Это был всего только первый робкий ход зимы — тепло, запрытанное в почве и камнях, побеждало и растапливало снег.

Два дня прошли в томительном ожидании. Боялись, что непогода может помешать приехать врачу. Состояние Гриши не улучшалось, скорее, напротив, становилось хуже. Валентина Гавриловна, как могла, сделала новую перевязку — благо в аптечке хватало бинтов. На всякий случай ему давали таблетки стрептоцида и пенициллина, полагая, что вреда от этих снадобий не должно быть. Дедушка Васильев оказался ярым сторонником траволечения и сварил по собственному рецепту настой из кашкары и каких-то трав. Но, прежде чем дать больному это непатентованное средство, все испробовали сами, а после единодушно порешили: пить можно.

Общее мнение высказал Петр:

— Раз горько, значит, полезно.

И Грише три раза в день давали по полстакана мутной горькой жижи.

В это утро погода начала направляться. Еще до обеда сплошная завеса туч проредилась, и по-летнему теплое солнце скоро согнало неплотный снег в долине, только горы так и остались белыми.

Гриша пришел в себя, но нарочно лежал с прикрытыми глазами, наблюдая сквозь ресницы и прислушиваясь ко всему вокруг.

У него такое состояние, будто он очнулся от долгого кошмарного сна. Он пытается вспомнить по порядку все, но в памяти возникают провалы, не заполненные ничем. Он не может отличить явь от бреда. Ка-

жется, около него временами была Наташа. Но скорее это только сон, правда, хороший сон. Рядом с ним в палатке сидит Валентина Гавриловна, читает какую-то книгу и иногда поглядывает на него. Почему она здесь, на месте Виктора? Или это все еще бред?

— Мамочка, тебя папа зовет, — ясно слышит он голос Наташи.

И вслед за тем сама Наташа, живая, настоящая, чуть склонившись, входит в палатку. На ней знакомая зеленая шапочка. На щеках ярко горит румянец. Она садится подле него и кладет ему на лоб свою невесомую прохладную руку.

Валентина Гавриловна отложила книгу и вышла из палатки.

— Наташа, это ты? — решил спросить мальчик.

— Я, Гриша.

Он открыл глаза.

— Тебе лучше? Ты уже выздоравливаешь? — обрадовалась она.

— Ты как сюда попала, Наташа?

— А разве ты не помнишь? Я же тогда ночью тебе все рассказала: и про то, как тебя потеряли, и про золото...

— Золото?! — встрепнулся Гриша. — Про какое золото?

— Ну, про то, что мы нашли на погорелье.

Гриша силится вспомнить, но не может. Зато он отчетливо вспоминает свою находку в ручье.

— Наташа, а в моих шлихах золото есть? — спрашивает он.

— В каких шлихах?

— Ну, в тех, что были в рюкзаке. Там в кармашке еще самородок лежит. Это правда золото? Или я ошибся?

— В каком кармашке? Какой самородок? — удивляется Наташа.

— В моем рюкзаке. Его принесли?

— А! — вспоминает Наташа. — Рюкзак остался там, под деревом. Когда за нами пришли, была ночь. Ты никак не мог пробудиться, а я забыла про рюкзак.

Значит, о его находке никто ничего не знает. И еще неизвестно, золото ли он нашел.

— Наташа, надо сказать, чтобы рюкзак обязательно принесли. Ведь там шлихи...

И Гриша мало-помалу рассказал все, что произошло в последние дни перед их встречей.

— А где же чужая собака? — вдруг вспомнил он.

— Саяну лучше (мы его Саяном зовем). Он уже ходить начинает. Вот он здесь, около палатки, лежит возле тебя.

— Наташа, думаешь, мне здорово нагорит?

— За что?

— Ну, за шлихи. Я же не там намыл.

Наташа задумалась.

— Нет, наверно, — решила она. — А вот Виктору будет нагоняй. Да еще какой.

Ужинали в этот день засветло. Наташа принесла Гришину и свою миски в палатку, и они поели вместе, продолжая начатый разговор. Сразу после ужина Гришу потянуло на сон. Сквозь дрему он еще раз напомнил:

— Наташа, не забудь сказать про рюкзак.

— Скажу, — обещала Наташа. Она, действительно, намеревалась рассказать отцу обо всем.

Остальные сидели около костра. Наташа обратила внимание на удрученный вид Виктора. Вот отчего он такой невеселый. Ведь Гриша все расскажет, как только очнется, и тогда Виктору не сдобровать. Внимание ее привлек разговор между конюхом и коллектором.

— А ведь нехорошо, Виктор, — говорил Кузьма

Прокопьевич. — Ты же ружье так и не вычистил тогда.

— Я чистил.

— Разве так чистят, даже не протер как следует и не смазал. Теперь в стволе словно тараканы поселились.

— Виктор, а ты нам так и не рассказал про охоту. Удачная была? — не без ехидства спросил Петр.

— Да я вовсе и не охотился, — смущенно улыбаясь, ответил коллектор. — Я спустился немного по речке, сел передохнуть и задремал.

— Небось до вечера и проспал, — рассмеялся дед Кузьма. — У него одна забота: уйти с лагеря, чтобы баню не топить, — пояснил он.

— Ну уж вы и придумаете.

— А стрелял тоже во сне?

— Нет, это я в бурундука.

— А я думал по медведю бил, — заметил дед Кузьма. — Кто же в бурундука жиканом стреляет?

Наташу вдруг словно кольнуло изнутри. От неожиданной догадки у нее похолодели виски и сильно застучало в ушах. «Виктор! Виктор стрелял в Гришу!» — чуть не закричала она вслух. — Вот для чего он брал ружье. Он один знал, куда и зачем пойдет Гриша, и крался следом. Думал: «Убью, и никто не узнает». Если бы не Байкал, Гриша так бы и погиб в яме. Вот почему и в нее никто не стрелял. Некому было. Виктор сделал свое и убежал обратно. У него, наверно, и духу не хватило подойти и посмотреть на убитого.

— Наташа, что с тобой?

Девочка удивленно посмотрела на отца. Она, сама не замечая, от волнения была палкой по костру, и вокруг разлетались искры.

— Ничего. — Наташа бросила палку в огонь и пристально посмотрела на Виктора. Тот невольно

поднял голову, встретился с ней взглядом и сразу же отвел глаза.

«Все ясно. Это он!» — твердо решила она. А все остальные как ни в чем не бывало продолжали разговаривать, смеяться.

Неужели никто не догадывается? Отцу пока ничего не нужно говорить. Завтра у нее будут доказательства. Утром она снова пойдет на ту же речку и непременно отыщет какие-нибудь следы пребывания там Виктора. Это казалось ей довольно простым делом — при ней будет умница Байкал. Попутно она, конечно, прихватит забытый рюкзак. Сказать по правде, Наташа не очень-то поверила в Гришин самородок. Бывает, нередко и настоящие геологи ошибаются. Принял же один папин знакомый графит за молибденит. Даже разведку хотели начать.

Вечером, уже в темноте, приехал долгожданный врач, вместе с ним начальник районной милиции и следователь. Догадливый завхоз снабдил их в дорогу четырехместной палаткой.

Обеспокоенная бабушка запрашивала о Наташе и прислала внучке целый выюк теплой одежды; должно быть, неожиданный снегопад сильно напугал ее.

Пока гостям готовили ужин, ставили для них палатку, врач, пожилой худощавый мужчина, осмотрел больного. Состояние здоровья Гриши не показалось ему опасным. Он даже решил до утра не разбинтовывать рану и только сделал профилактический укол.

После ужина приехавшие сразу ушли в палатку. Вид у них был утомленный. Да и было отчего устать: за полтора дня — почти стокилометровый переход.

— Утро вечера мудренее, — сказал начальник милиции, позевывая. — Встанем пораньше и сразу потолкуем обо всем. А сейчас спать.

Наташе не терпелось поделиться с кем-либо своим открытием. Неужели, кроме нее, никто не догадывает-

ся? Самое лучшее было бы поговорить с Гришей, но он спит. Наташа не могла уснуть и все беспокойно ворочалась с боку на бок, тревожа мать.

— Что тебе не спится сегодня, егюза? — спросила Валентина Гавриловна.

— Мама, мамочка, неужели вы ни о чем не догадываетесь? — Наташа не в силах больше хранить в секрете свое открытие.

— Ну что у тебя?

— Ведь в Гришу Виктор стрелял.

— Ты с ума сошла, Наташа, — встрепенулась мать.

— Конечно, он, — убежденно зашептала девочка, — он заставлял Гришу одного промывать шлихи, а сам отсиживался у костра. Он знал, куда пойдет Гриша. Он брал ружье у дедушки и стрелял пулей. Говорит, в бурундука. Кто ему поверит?

— Постой, постой, Наташа. Говори толком, — попросила мать. От беспокойного и страстно убежденного голоса дочери у нее пропала дремота.

— Я и так говорю по порядку. — И Наташа повторила матери все, что узнала от Гриши, слышала у костра, и о чем догадалась сама. — Это он, он стрелял!

— Наташа, не смей утверждать. Ты говоришь так, словно знаешь. А если человек не виноват? Нельзя так.

— А отсиживаться у костра, когда нужно работать — можно? Это он, он! Я знаю! — твердила Наташа сквозь слезы: обидно было, что мать не верит ей, и душила злоба на Виктора, который ни за что предательским выстрелом в спину чуть не убил ее товарища.

— Ладно, Наташенька, спи. Завтра следовательно во всем разберется. Ты расскажешь ему. — Она погладила по голове всхлипывающую девочку. Как ни нелепой казалась Валентине Гавриловне выдумка

Наташи, все же и у нее зародились сомнения. Факты против Виктора. Неожиданным было и сообщение о жульнических проделках коллектора. Становилось понятным странное поведение Гриши накануне того злополучного дня.

Утром Братов пригласил коллектора Прагина в палатку, где собрались следователь Швецов и капитан милиции Снитко. Заслышав голос начальника, Виктор вздрогнул. Наташе, которая не спускала с него глаз, показалось, что он давно ждал этого зова. Вид у коллектора унылый, он даже как-то болезненно осунулся. Наташа, не закончив завтрак, направилась следом.

— Я только на одну минутку, — просительным тоном сказала она отцу, пробралась к изголовью отцовского мешка и сделала вид, будто разыскивает что-то.

— Бери, что тебе надо, и выходи, — строго приказал отец. У Наташи даже слезы навернулись на глаза от обиды. Можно, конечно, сесть поблизости от палатки и слышать все, о чем будут говорить, но Наташе претил такой нечестный способ — подслушивать, словно шпик.

— Пусть останется: она не помешает, — неожиданно выручил ее следователь, — это мой хороший помощник. — Он подмигнул ей, как старому знакомому. Наташа благодарно улыбнулась в ответ.

— Ну, рассказывай! — Братов сказал это таким голосом, что Наташа невольно вздрогнула. Таким она никогда не видела отца: плотно сжатые губы, колючий прищур глаз, желваки на скулах — по лицу видно, что руки его сжаты в кулаки.

Виктор еще ниже опустил голову и тихо, как напроказивший школьник, ответил:

— Виноват, Павел Осипович...

— Что виноват?

— Я не думал, что так случится. Это последний раз, честное слово: последний раз.

— Сколько ты отправил в лабораторию фальшивых проб? Можно ли после этого верить, что мы провели опробование рек?

«Ну зачем папка отвлекается в сторону? Разве это главное?» — подумала Наташа.

Коллектор подавленно молчал. В палатке было тесно; все сидели на корточках. Виктор расправил неловко подогнутую ногу и коснулся колена Наташи. Девочка, как ужаленная, отодвинулась в сторону и подобрала ноги под себя.

— Ну ладно, мы еще поговорим, — пообещал начальник голосом, не предвещавшим ничего хорошего для Виктора. — А сейчас с тобой хочет Василий Петрович потолковать. — С этими словами Павел Осипович покинул палатку.

— У меня к вам, Прагин, несколько вопросов.

Наташа недовольно поморщилась: ей не понравился чересчур доброжелательный тон, каким начал говорить следователь.

— Скажи: где ты был в тот день, когда ранили рабочего?

— Я ходил охотиться, — недоуменно ответил Виктор.

— Ты знал, с какой целью рабочий отлучился из лагеря?

— Н-нет. То есть я не думал, что он решится пойти один, — отвечал Виктор с нарастающим удивлением в голосе. Бледно-голубые глаза его вдруг оживились: стали огромными и испуганными.

— Ты стрелял из ружья?

— Стрелял... — Виктор тяжело глотнул воздух. — Неужели... Неужели вы думаете, что я...

Начальник милиции капитан Снитко сидел ближе к выходу и осторожными глотками прихлебывал го-

рячий чай из большой кружки. На коленях у него лежал огромный носовой платок, и капитан то и дело прикладывал его к потекущей шее. Капитан тяжело дышал и, как казалось Наташе, с хитрой ухмылкой поглядывал то на перетрусившего Виктора, то на следователя.

— Мы ничего не думаем, — тем же спокойным голосом пояснил Швецов. — Три дня назад у вас в отряде было совершено преступление. На лагере, кроме пострадавшего рабочего, не было только коллектора Прагина. Поэтому небольшое любопытство по отношению к нему закономерно.

— Да неужели... Если бы я знал, куда он пошел... Да разве я... — судорожные всхлипывания прервали голос Виктора.

«Дальше ничего интересного здесь уже не будет», — про себя решила Наташа. Теперь она окончательно уверилась в своей догадке. Конечно, Виктор станет запереться.

Наташа осторожно проползла к выходу за спиной коллектора. Она знает, что делать дальше.

КОСТЕР В ЛЕСУ

Н

аташа не боялась заблудиться. Нужно идти все время вверх по течению, не пере-

бредая ни одной речки. Раньше она не раз ходила по тайге и в горах с отцом. А он умел просто объяснить, каким законам подчиняется строение рельефа. Реки не пересекаются. Заблудиться можно, только переходя водораздел: там достаточно чуть сбиться — и попадешь в долину другой речки. А ей на горы взбираться не к чему. На таборе ее, конечно, скоро хватятся, но это не беда. Пусть немного поволнуются. Цель, с которой она уходила, стоила того.

Байкал, разумеется, с нею. Наташа прихватила немного хлеба и колбасы для себя и для него. Держать

Байкала на привязи нужды нет: он и так не покинет ее. Байкал доволен свободой — ему надоело скучать на лагере — неистово носится вокруг. Вид у него озабоченный, деловой. А когда он оборачивается на хозяйку, Наташе кажется, что она читает его собачьи мысли: «Тебе, Наташа, хорошо — идешь и только, а мне нужно все кругом обнюхать и посмотреть. Сколько здесь интересного!».

Забираясь все выше и выше на склон, девочка неожиданно разыскала хорошую удобную тропу, проторенную вдоль террасы. Наташа вспомнила, с каким трудом приходилось в то памятное утро нести носилки с раненым Гришей. Русло реки в этом месте узкое, без песчаных отмелей, а пойма заросла ельником с густым подлеском из ольхи и талины. И нужно же было продираться через чащу, когда рядом такая отличная тропа.

Это открытие должно сэкономить ей немало времени. Но надежды Наташи не оправдались. Терраса становилась все уже и уже и наконец оборвалась, обрезанная рекой. Тропа привела к круче. Пройти выше по скалам невозможно. Пришлось спуститься вниз, к реке, и пробираться по крутой галечной осыпи. Сверху то и дело скатывались отдельные камешки, струйками стекал песок, а то и целыми кусками обрушивалась земля, всплескивая воду. Бурное течение медленно, но верно подмывало, рушило свое же детище — речную террасу.

Скоро Наташа подошла к устью злополучной речки. Байкал правильно разгадал ее план и повернул направо вверх. Наташа, не переводя дыхания, вбежала по крутому склону следом за ним. Отсюда вид изменился, как по волшебству. Горизонт, хотя и закрытый по-прежнему бортами долины, раздвинулся. Видны стали излучины реки и густой лес, разделенный редкими прогалинами. Ей удалось даже увидеть лагерь

отряда и над ним тихую струйку голубоватого дыма. Вид палаток, точками белеющих среди леса, действовал успокаивающе — горы не так пугали своей не приветливостью. Троги, подобные тому, куда поднялась Наташа, называются висьячими: они как подвешены над главной долиной. В горах это нередкое явление. Но чем дальше шла Наташа вверх по речке, тем теснее становился кругозор: скалы ближе и ближе подступали с боков. Вскоре ей снова встретилась удобная тропинка, правда, поуже прежней, той, что оборвалась у откоса террасы. Наташа не захотела расстаться со стежкой даже тогда, когда пришлось отвернуть в сторону, к скалам. «Не может быть, чтобы она уводила прямо в горы», — рассудила девочка. И верно, тропа подошла к подножию скалистых отвесов, поблуждала между нагромождений камня и возвратилась вниз в лиственный лес.

На одном из деревьев Наташа увидела свежие борозды, прорезающие кору поперек ствола — след рогов сохатого. Здесь зверь останавливался и чесал свои огромные рога-лопаты, сбрасывая омертвевшую к осени тонкую предохранительную шкурку. Борозды были на такой высоте, что девочка, даже подпрыгнув, не смогла достать их рукой.

Наташа была спокойна, одиночество не пугало ее, и только одна случайная находка на время встревожила: на глаза попался обломок кедровой ветки с тремя крупными созревшими шишками. Наташа, не задумываясь, подобрала этот дар и пошла медленнее, выбирая пахучие вкусные орешки. Видимо, ветку обломило порывом ветра или недавним снегопадом. Пройдя еще немного, девочка попала в густой лиственный лес. Стволы деревьев совсем сжали тропу, и Наташа часто задевала ветви, свисающие до земли. Деревья щедро осыпали ее с головы до ног пушистым золотом своих игл, щекотливые хвоинки попадали за

воротник свитера. «Как в новогодний вечер конфетти», — подумала она. И вдруг резко остановилась, пораженная внезапной мыслью: «Откуда же кедровые шишки? — вокруг одни лиственницы». Она возвратилась к месту, где подняла кедровую ветку. Здесь, вблизи тоже ни одного кедра. Наташа подозрительно всматривалась в золотистую гущу леса. К ней подбежал Байкал, обнюхал землю и остановился, равнодушно помахивая хвостом. Поведение собаки успокоило девочку. Раз Байкал ничего не чувствует — опасности нет. А кедровая ветка? Да мало ли какой зверек мог обронить ее. Ей, правда, никогда не случалось раньше слышать про зверей, которые бы заготавливали орехи впрок целыми шишками, а тем паче вместе с ветками. Но кто знает все тайны леса и его обитателей?

Тропа то уводила ее к скалам, то спускалась в лес, иногда почти теряясь в перекрывающих склон россыпях. В нос, пьяня, ударял буйный хмель смородины: кучки низкорослых зарослей ее цеплялись всюду между замшелыми глыбами. Наташа едва отыскивала

тропу по слабым следам на мху и утоптанной почве меж камнями. Но как только россыпь заканчивалась, дорожка вновь появлялась в лесной чаще, торная, удобная. Точного места, где она нашла раненого Гришу, Наташа не помнила, но полагала, что оно близко.

Скоро она забрела в непроходимую чащу: впереди не видно ничего, кроме наклоненных веток лиственниц с густой желтой или бледно-зеленой хвоей. Некоторое время девочка шла, словно в тесном затененном коридоре, не видя впереди себя больше чем на несколько шагов. Но вот перед ней враз распахнулись бледно-зеленые гардины лиственниц: Наташа увидела широкую ровную поляну, а за ней на опушке леса то, что заставило сразу же позабыть о беззаботности и отпрянуть назад, в гущу ветвей. Над темной зеленью леса легкой сизо-голубой лентой поднималась струйка дыма, вверху она рассеивалась, становилась незаметной на фоне серых скал. Наташа оглянулась по сторонам: «Где же Байкал?». Байкал, крадучись, подбирался к самому костру. Наташа хотела позвать его назад, но не решилась подать голос и только внимательно наблюдала. Байкал картинно, точно позируя, остановился, выставив вперед голову с настороженными ушами и приподняв переднюю лапу. Некоторое время постоял в такой позе, потом в два скачка приблизился к огню, быстро обежал вокруг костра, пригнувшись, оглянулся назад и негромко дважды тявкнул, словно спрашивая: «Где ты, Наташа? Посмотри, что за чудо: костер горит и никого нет».

— Байкал! Байкал! — не в полный голос позвала Наташа. — Вот дурной! — проговорила она про себя.

Прошло несколько минут. Опасности как будто не было. Наташа вышла из укрытия. Надо забрать Байкала и спрятаться в лес. Где-то должны быть люди или один человек. Лучше вначале узнать, кто он, понаблюдать за ним со стороны. Наташа пожалела, что

не держала Байкала на привязи. Овчарка может выдать ее присутствие раньше времени. Девочка еще раз подозрительно осмотрелась кругом и бесшумно побежала к костру. Лес в этом месте состоял из кедрача и реденьких лиственниц. К одному из деревьев вблизи огня был пристроен навес из тонких жердей и корья. Здесь, видимо, кто-то проводил ночь: сооружен настил из веток и лежит разостланная поверх ветхая ватная гужурка. Над костром устроен небольшой охотничий таганок. Немного в стороне, на воткнутых в землю кольях, висят старые, дочерна пропотевшие портянки из мешковины.

Все говорило о близком присутствии человека. Кто он, и где он? Наташа шепотом подозвала собаку и ухватила за ошейник.

— Пойдем отсюда, Байкальчик. Только, пожалуйста, не лай, миленький.

Байкал преданно лизнул ей руки, но вдруг насторожился и заворчал в сторону реки. Наташа поглядела туда же, однако ничего не увидела: терраса, на которой находились они, круто обрывалась и заслоняла все, что было внизу, — оставался виден только противоположный берег реки, но там — ни звука, ни движения.

Байкал заворчал громче и попытался вырваться из рук хозяйки. Она изо всех сил вцепилась за ремень ошейника. Нужно немедленно прятаться в лес! Наташа осмотрелась, не решив еще, в какую сторону бежать.

— Ты откуда взялся? — услышала она резкий хриплый голос, заставивший ее вздрогнуть.

На краю обрыва стоял бородастый мужик в меховой шапке. В руке он держал закопченный котелок с водой, за плечами висела бердана.

Байкал сильно рванулся и злобно залаял. Незнакомец с нежданным для его неуклюжей фигуры про-

ворством поставил котелок наземь, сдернул с плеча винтовку и, отступив за дерево, направил ствол на девочку.

— Ты откуда, паря, объявился? — снова спросил он, видимо принимая Наташу за мальчика. Байкал вырвался из рук хозяйки и стремительно набросился на неожиданного врага.

— О бес, нечиста сила! — завопил мужик, отмахиваясь прикладом берданы. Собака и бородач вертелись вокруг костра. Наташа в растерянности наблюдала за ними.

— Байкал, назад! Нельзя! — пришла она наконец на помощь пострадавшему мужику.

Байкал на секунду подбежал к хозяйке. Но этого времени мужику хватило, чтобы передернуть затвор и изловить собаку на мушку.

— Не смей! — закричала Наташа и бросилась между Байкалом и бандитом.

— Эй, паря, убью!

Черное отверстие ствола прыгнуло вверх и глянуло в глаза Наташе.

В тот же миг случилось непонятное: лицо бородача перекосилось, словно от внезапной боли, он неловко повернулся боком и резко упал на землю, почти в костер лицом. Засаленный рукав его рубахи коснулся пламени и загорелся. Наташа нагнулась, быстрым движением выхватила руку мужика из огня и, обжигая свои ладони, загасила горящую рубаху. Где-то в стороне, словно хлопок, прозвучал выстрел — пуля, хлестко щелкнув, ударилась в дерево. Байкал ошарашен и без лая кинулся на выстрел. Вторая пуля вышвырнула из костра несколько угольков и подняла облачко золы. Наташа отбежала к ближайшему дереву и легла за спасительный толстый ствол. Ее поразила наступившая вдруг тишина, в которой слышался только шелест мохнатых веток кедра над головой, тихий

говор речки и слабо долетевший грохот внезапного обвала в скалах.

Неожиданная встреча с бородачом, выстрелы из лесу перепутали мысли. Наташа только удивилась, почему она не сильно напугалась.

Снова, уже где-то далеко от нее, прогремел выстрел; эхо несколько раз повторило его, и опять тишина.

Не этот ли невидимый убийца бородача стрелял и в Гришу? О недавних подозрениях на Виктора Наташа просто позабыла, как забыла и самого Виктора.

Опять грохнул выстрел. На этот раз еще дальше.

«Только бы с Байкалом ничего не случилось» — подумала она. Мысль о том, что Байкал может исчезнуть и ей придется возвращаться назад одной, обдала Наташу холодом страха и нестерпимой тревоги за собаку. Выйдя из-за укрытия, она увидела разгоревшийся огонек костра (видимо пуля, попав в него, раздула пламя) и незнакомого мужика — все в той же позе — ничком. Оставаться дальше в соседстве с убитым она не могла. Наташа схватила ватную тужурку и небросила ее на голову до ужаса неподвижного трупа.

— Байкал! Байкал! — что есть мочи крикнула она. Но в ответ даже эхо не отозвалось: слабый голос девочки затух, не долетев до скал.

Первым движением было бежать вслед за Байкалом, но Наташа вспомнила Гришин рюкзак. Надо вначале забрать его: он здесь близко. С Байкалом, конечно, ничего не случится: он такой умный и верткий, и он не оставит ее одну — отыщет.

ИЗБУШКА В СКАЛАХ

меня все. Идите, занимайтесь своими делами, — сказал Швецов, закончив опрос Прагина.

Виктор недоверчиво покосился на серьезные внимательные глаза следователя, на непроницаемую улыбку на лице капитана Снитко и

переспросил:

— Мне можно выйти?

— Да, идите.

Оставшись вдвоем, капитан и следователь некоторое время сидели молча. Снитко вдруг без причины расплылся в широченной улыбке.

— Ну и как, Василий Петрович, оставляете в силе свою версию? — спросил он у следователя.

— Да.

— Упрям.

— Не упрям, а убежден в правоте.

— Иногда это одно и то же.

— Михаил Михайлович, ну неужели вы и в самом деле думаете, что эта тюря — Прагин — могла стать убийцей?

— Пожалуй, да, если бы почаще тренировался в стрельбе, — невозмутимо ответил Снитко.

— Нет. Уж если он когда-нибудь и совершит злодейство, то только из-за нерешительности: не хватит духа остановить преступление, но сам не отважится. А тем более и причин серьезных не было. Улыбка капитана, видимо, раздражала Швецова, и говорил он с натянутой сдержанностью.

— Ты зря так горячишься, — успокаивающе проговорил Снитко с той же убивающе светлой улыбкой на лице. — Мне кажется, следователю надо иногда поменьше заниматься психологией преступников, а просто считаться с фактами.

— Ну, знаете... — Швецов резко отмахнулся от назойливо гудевшего над ухом комара. Следователь еле сдерживал взрыв внезапной неприязни к своему товарищу. — Факты. А разве не анализ фактов, — продолжал он искусственно спокойным тоном, — дал нам возможность увидеть связь между пожаром в Перевальном и вот этими событиями в партии.

— А что, если эта связь порвется?

— Не будем спорить, капитан, — предложил Швецов. — Попросим сейчас начальника партии отвести нас в то место, где был ранен рабочий. Я уверен: мы найдем там немало любопытного.

— Против этого не возражаю. Сходить туда мы обязаны. Ну, а по дороге ты все-таки проанализируй

странное поведение коллектора в последнее воскресенье. Ведь он совсем и не охотник, а вдруг на весь день ушел из лагеря с ружьем.

— Хорошо, — пообещал Швецов. — А пока зайдем к раненому. Мне хочется задать ему пару вопросов.

Однако поговорить с Гришей не пришлось: мальчику только что сделали перевязку и самочувствие его ухудшилось.

Павел Осипович шел впереди, указывая дорогу. Позади всех с карабином в руках шагал Петр. На обратном пути Братов намеревался сделать короткий дополнительный маршрут вдоль подножия склона.

В то утро, когда они выносили раненого Гришу, геолог обратил внимание на обилие в русле речки плохо окатанной кварцевой гальки. Кварц был темно-серый с сульфидами. Такая порода может оказаться золотоносной. Если удастся отыскать обломки этого кварца в осыпи, по ним можно установить примерное место выхода жилы.

Пробираясь по лесу, капитан Снитко и Павел Осипович громко разговаривали.

— Мне думается, незачем поднимать лишний шум, — предупредил их Швецов. Сам он всю дорогу шел молча и подозрительно, недружелюбно посматривал на обступающие горы.

— Вы думаете, нам может угрожать опасность?

— Нет. Этого я не думаю. Но осторожность не помешает.

Он вдруг знаком попросил всех остановиться и, вытянув шею, внимательно прислушался к чему-то впереди.

— Слышите? — прошептал он.

Тихо и мягко шелестели ветви деревьев, монотонно пел ручей, но на фоне этих звуков чуть-чуть слышался собачий лай. Все застыли на месте. Лай доносил-

ся то громче, то слабее, теряясь в гуле водотока. И вдруг — на этот раз уже явственно — тихие звуки горной долины разорвал выстрел. Немного погодя — второй, третий, потом с небольшими перерывами — еще и еще. Стреляли где-то впереди, примерно в полукilометре от них. Все приготовили оружие.

— Лай собаки раздался ближе и отчетливее.

— Смотрите! — крикнул Петр, указав рукой вперед и в сторону.

В просветах деревьев на короткое время показалась крохотная фигура бегущего человека.

— Идем наперерез! — предложил Швецов и первым кинулся вверх по склону. Но бежать не так-то просто: мало того, что склон довольно крут, на пути лежала глыбовая осыпь, прикрытая только небольшим слоем дерна; между камнями, распластав цепкие корневища, росли лиственницы; то и дело приходилось перелезать через поваленные ветром деревья.

Им не удалось опередить бегущего. Тот находился у самого подножия скал, на открытом месте. Неожиданно человек остановился, привстал на колено. В руках у него блеснула винтовка. Не прицеливаясь, он выстрелил назад, видимо, в своего преследователя. Снова вскочил на ноги и побежал дальше с удивительным проворством. На расстоянии невозможно было разглядеть лицо и одежду стрелка.

Через несколько секунд на то же место

быстрыми скачками выбежала крупная серая собака. Так вот от кого отстреливался человек.

— Байкал! — громко крикнул Павел Осипович. Собака резко остановилась.

— Байкал! — снова позвал Братов, с ужасом убеждаясь в справедливости своей догадки. Ловко прыгая через глыбы и деревья, овчарка подбежала на зов.

— Байкал, ты откуда? — Павел Осипович задал этот вопрос таким тоном, словно и на самом деле ожидал услышать от собаки членораздельный ответ.

— Гав, гав! — радостно отозвался Байкал, все еще возбужденный недавней погоней.

— Наташа! — прошептал Павел Осипович. — Она должна быть здесь.

— Что? — едва выговорил капитан. От быстрого бега он раскраснелся, вспотел и еле дышал.

— Наташа... Байкал без нее не уйдет далеко, — бессвязно пояснил Братов. Но капитан понял его больше по встревоженному побледневшему лицу, чем по словам.

— Мы его одни догоним — ищите девочку, — решил он.

Группа сама собой разделилась надвое: капитан и следователь пустились в погоню за бандитом, Павел Осипович и Петр остались на месте.

— Байкал, ищи Наташу!

Понятливый пес взял курс в обратную сторону, выбежал на тропу и вскоре привел их к костру. Наташи здесь не было. Труп убитого, накрытый ватной тужуркой, они заметили не сразу.

— Наташа! — громко крикнул Павел Осипович, тревожно обегая взглядом округ.

Петр первым заметил тело, распластанное на земле около костра, сбросил с лица телогрейку и перевернул на спину упрямо неподвижный труп.

— Это никак Елизов Роман, — сказал он, взглядевшись в залитое спекшейся кровью лицо убитого. Лицо Елизова было облеплено корьем и листьями, в бороду нацеплялась хвоя и мелкие сучья. Один глаз закрыл прилипший осиновый листок, другой, остеклевший в мгновенном ужасе, жадно смотрел на покинутый мир.

Байкал потерял след хозяйки и метался взад и вперед, нюхая землю. Потом, должно быть учуяв следы, призывно залаял и уверенно направился под обрыв. Павел Осипович задыхался от бешеных ударов сердца: выстрелы, убегающий убийца, труп человека возле костра — и где-то здесь же Наташа. С сердца словно тонну груза сняло, когда он завидел ее, сидящую на берегу речки спиной к ним. Она обеими руками обхватила Байкала за шею и, вздрагивая от рыданий, целовала его морду.

— Наташа!

Знакомый голос заставил девочку вскочить и обернуться. Не веря своим глазам, смотрела она на приближающихся отца и Петра. Было от чего прийти в изумление: пустынная горная долина, словно по волшебству, вдруг за несколько минут наполнилась людьми. Девочка оставила собаку, бросилась на шею отцу и спрятала у него на груди лицо. Братов дрожащими руками гладил дочь по вздрагивающим плечам.

— Что с тобой?

— Н-ниче-го, — сквозь слезы ответила она.

— Что ты здесь делала, Наташа?

Братов, не чувствуя тяжести, держал дочь на руках, но вдруг обессилел и присел наземь.

— Я пришла за рюкзаком. Гриша говорил: в кармашке самородок.

— Рюкзак?.. Самородок?..

— Ну да, рюкзак под деревом. Я сама положила

его туда. А место позабыла. Там должно расти толстое дерево и рядом яма.

Место, где был ранен Гриша, отыскиали без труда. Расколотый лоток по-прежнему валялся, брошенный на камни. Рюкзак лежал там же, куда его закинула Наташа, в затененном месте, и был влажный от растаявшего снега.

Как только Гришина находка попала в руки Павла Осиповича, в нем разгорелся профессиональный азарт. Уж слишком тяжел кусок породы для своих размеров. Да, это, несомненно, самородок — и какой великолепный самородок. Золото! Вот в чем кроются все загадки этой злополучной речки. А ключ от них, должно быть, находится в руках у беглеца. Удалось ли настичь его? За судьбу преследователей Братов не волновался: их двое, они вооружены и опыты.

— Папа, папа! Погляди, что это такое?—Наташа, прищурившись, внимательно всматривалась в сторону склона.

— Ничего не вижу.

— Да вон между острым утесом и большим деревом с сухой вершиной.

— Да, да. Похоже на домик.

Что ни час — новое открытие. Кому могло прийти в голову строить дом в такой глухомани?

Павел Осипович вынул из кармана пистолет, Петр заложил патрон в ствол карабина.

— Наташа, прячься за мою спину. Не отходи в сторону! — приказал Братов. Он не знал, что еще придумать в этой неожиданной обстановке. Когда взобрались на откос террасы, странный домик стал виден хорошо. Неказистая низенькая постройка, похожая скорее на допотопную деревенскую баньку, чем на дом, гнездилась в тени скал. Первым к избушке приблизился Байкал. Он обежал вокруг нее, обняв углы, и остановился около затворенной двери,

не проявляя никакого беспокойства. По-видимому, дом был пуст. Крыша постройки сделана из корья; она уже заметно прохудилась. Дверь скрипучая, низкая, обитая изнутри вышарканной медвежьей шкурой. Переступая порог, приходилось нагибать голову. Свет проникал лишь в окошко шириной в одно бревно да сверху в щель между железной трубой и потолком. Пахло не то шкурами, не то потом. В продырявленной железной печурке зола была холодная и влажная, должно быть смоченная таявшим снегом, который падал в трубу. Значит, после снегопада печь не топили. На столе, сколоченном из вырубленных сосновых плах, лежала корка хлеба, рядом с ней горстка соли и пустая гильза от берданы. Посредине стол засыпан нетолстым слоем не то земли, не то золы. Наташа пощупала рукой.

— Папа, тут на столе песок.

Павел Осипович захватил щепоть песка в ладонь и, уже подгоняемый естественной догадкой, подошел к выходу — песок оказался золотым.

— Не трогай, Наташа. Это золото.

— И здесь золото? — удивилась Наташа.

Петр тоже взял в руку щепоть песка и подошел на свет к двери.

Всего в нескольких шагах от дома, негромко журча, прыгал по камням ручей, вытекая из расщелины в склоне. Судя по огромным глыбам, нагроможденным в его русле, можно было думать, что в другое время он бывал более многоводен.

От дверей дома к ручью вела тропка. Пройдя по ней несколько шагов, увидели на другом берегу ручья кучу щебня, похожую на отвал свежей выработки. Это оказалась канава, продолбленная в твердых прочных сланцах по незалитому потоком дну ручья. Видимо, вода заходит сюда только в половодье.

На отвале лежали два лома, тяжелая кувалда,

одноконечная кайла и поломанная лопата. Канава выдолблена вдоль кварцевой жилы, рассекающей сланец. Сомнений не оставалось: это была знаменитая рудаковская жила. Золото из нее кто-то хищнически разрабатывал. Незвестный старатель построил себе домишко, жил отшельником и кропотливо долбил твердый камень, добывая металл.

Высоко на крутом склоне прямо над ними белел длинный язык нерастаявшего снега. Братов вспомнил последний маршрут. Примерно в этом месте ему слышался лай и визг собаки, а немного погодя скрип двери. Должно быть, собака залаяла, услышав удары молотка, ее ударили и заставили замолчать. Потом неизвестный обитатель избушки зачем-то выслеживал геолога.

Работы здесь теперь непочатый край. Братов почувствовал нетерпеливый прилив энергии. Хотелось немедленно облазить все вокруг, осмотреть каждый камень, но задерживаться нельзя. Неизвестно еще, чем закончилась погоня.

На обратном пути Братов нарочно свернул с тропы, отыскивая, где был найден заржавленный ствол берданы.

Пока Павел Осипович и Наташа осматривали землю вокруг кедра в надежде найти еще какие-нибудь следы погибшей экспедиции, Петр охотничьим ножом сделал затес на дереве.

Наташа попросила у отца карандаш и старательно печатными буквами вывела на свежем срезе:

*«Здесь в 1927 году от руки предателей погибли
трое отважных:*

*РУДАКОВ,
ПОЛОГОДОВ,
КИРЬЯКИН».*

Всю обратную дорогу Братов размышлял. Даже открытие избушки и золотой жилы не решало всех за-

гадок, какие накопились за последние дни. Кто этот неизвестный обитатель избушки? Зачем ему нужно золото? Почему он скрывал находку? Какое отношение ко всему этому имеет убитый Елизов? Кто стрелял в Гришу? Почему в доме никто не жил во время снегопада? Есть ли в долине другое жилье? Наконец, кто убийца Романа Елизова? Ни на один из вопросов ответа не было. Напротив, вопросов становилось больше, только возникали они в иной последовательности, чем прежде. Неясно и то, почему Рудаков посчитал тропу за Большую — на всех картах настоящая Большая тропа показана по долине реки Каменной.

ТАЙНЫ ОТКРЫВАЮТСЯ

Раскрылись все эти вопросы на следующий день.

Человек, застреливший Романа Елизова, оказался родным братом убитого. Увидев, что его преследует уже не собака, а люди, Степан растерялся, отбросил берданку и поднял руки вверх.

— Вяжите меня — братана я убил своєю, — угрюмо заявил он, глядя в землю. Все случившееся, по-видимому, представлялось ему законным возмездием за убийство.

Швецов почти всю ночь вел допрос. Степан, вопреки своему характеру, был на удивление разговорчив. Следователь едва успевал вести протокол. Вопросов Степану почти не приходилось задавать — рассказывал он все, без утайки, с охотой, как человек, истомленный долгим вынужденным молчанием. Начал он с того, как они с Романом наткнулись на рудаковскую

жигу. Открытие Елизовы сохранили в тайне от всех. Золота в жиге была уйма: по старым временам братья могли бы сразу стать первыми богатеями не только у себя на селе, но и в городе.

Поначалу золота из жигы они добывали понемногу, больше любовались на чудесную залежь. Все, что приносили с собой, прятали в подполье пустующего Степанова жигья. Для этого приходилось проникать в дом среди ночи. Их тайные запасы постепенно росли. При каждом возвращении из тайги они стали приносить все больше и больше золота. Меж собой, наедине, братья чувствовали себя настоящими богачами. Добыча ненужного им металла мало-помалу завлекла. Охоту они вовсе забросили. Чем больше возрастало призрачное богатство, зарытое в яме под домом, тем хуже они жили. Белкой почти перестали промышлять, денег едва хватало на хлеб-соль да снаряжение к ружьям. Но жизнь от этого не казалась им горше: сладка была даже тень золота — мнимое богатство.

Шли годы. Золото накапливалось в подполье мертвым грузом. Путей сбыта его они не знали, да если б и знали, вряд ли бы согласились расстаться хоть с единой крупичей. Они даже не баловали себя мечтами, как можно с пользой в свое удовольствие потратить добытое золото. Такие грезы чужды их убогой фантазии, да и сама мысль об этом показалась бы им кощунственной.

Просторный пятистенный дом Степана братья забросили и поселились в хибарке Романа: вдвоем им и там было не тесно.

Покой Елизовых нарушило появление в Перевальном геологической партии. Посещение их халупы начальником партии, разговоры об аренде дома показались им грозным предзнаменованием. Больше всего они беспокоились за сохранность зарытого клада и в

ту же ночь решили перенести золото в другое место. Поджигать дом они не намеревались: пожар произошел случайно, по небрежности. Керосиновая лампа, поставленная на полу около лаза в подполье, опрокинулась от неосторожного удара в ловицу. Золото они успели откопать и переложить в мешки, но, пока вытаскивали их наверх, пожар охватил всю переднюю часть дома и выйти через дверь не было возможности. Пришлось выламывать окно. Сгоревший дом они не жалели, главное — золото — спасено. Потерю одной бутылки с золотым песком они не обнаружили.

Но спокойствие не возвратилось. Ведь золото, извлеченное из жилы, составляло лишь малую толику несметных богатств, запрятанных в недрах склона. Мучили опасения потерять всю залежь.

Партия геологов выходила из Перевального в верховья Каменной, и братья решили тайком

проследить, куда направляются искатели. В ночь, когда разразился ливень, чуть не затопивший геологов на острове, Елизовы остановились на ночлег в двух километрах выше по реке. Дождь и для них начался неожиданно, укрытия от ливня у них не было. Братья знали, что на другом берегу стоит пустующая зимовейка. Поблизости паслись кони геологов. Елизовы изловили двух лошадей, связали из ремешков недоуздки и перебрались вброд через реку. Отпуская лошадей, Степан привычно по-хозяйски повязал путы им на шею. Связывать коням ноги нельзя: лошади могут утонуть в реке. А на другой день дедушка Кузьма и Наташа ломали головы над этой первой загадкой.

Случай с солью объяснился еще проще. У Елизовых кончилась соль. Выходя следом за партией, они захватили небольшой запас продуктов, а в избушке у них лежала только мука, припасенная раньше. За солью нужно возвращаться в Перевальное, а братья боялись оставлять свою жилу даже на несколько дней и поэтому решились на кражу. Высмотрев, когда на лагере никого не осталось, Роман подобрался к палаткам. Дремавший на привязи Шарик встретил его злобным лаем. Роман ударил собаку прикладом берданы. Шарик, оборвав веревку, убежал из табора. Елизов разыскал соль, отсыпал для себя и в спешке не положил мешок обратно в ящик.

Геологи медленно, но верно приближались к кладу Елизовых. Нависшая опасность ожесточила братьев. И без того не склонные к дружеским излияниям, они и вовсе перестали разговаривать меж собой. В последнее время старатели все зорче приглядывались друг к другу, подозревая один другого в утайке части добываемого золота. И не напрасно: каждый из них, помимо общего, имел свой тайник. Зорко следили они друг за другом, проверяя каждый шаг. Осо-

бенно чутким был надзор в моменты, когда оба работали на жиле. Долбит Степан крепкий кварц, и, не обращая внимания на острые осколки, летящие в лицо и глаза, искоса поглядывает за Романом, а Роман не спускает глаз со Степана.

Ссора между братьями случилась в тот день, когда в долину вошел Братов. Степан вслед за геологом спустился вниз до палаток. Долго издали наблюдал за мирной жизнью походного лагеря геологов. Незваными гостями явились эти чужаки в его, Степанову, вотчину — тайгу. Пришли за тем, чтобы отнять у Елизовых золото — единственную усладу жизни. Подмывало желание нарушить чужой, враждебный ему, покой выстрелом из берданы. Но это было бы слишком безрассудно. Мрачный возвращался Степан в избушку, где вдвоем с братом жили они добровольными отшельниками. Подходя к дому, увидел Романа, шедшего от ручья с водой. Глаза брата смотрели на Степана простодушно, но кто-кто, а он — Степан — лучше любого знал истинную цену этой простоты. Пока брат ходил, Роман, конечно, рылся в жиле, и уж, наверняка, золото, добытое им, не поступит в общий котел.

Ужинали скудно: сухарями и сохатиной; мясо немного припахивало: забой был давнишний.

Мысль разделить с братом давно свербила в мозгу.

— Вот что, Роман, — предложил он, невесело поглядев на брата. — Давай поделимся. Неровен час — придется уходить отсюда. Пусть каждый хоронит свое, как знает.

Роман не возражал, напротив, с готовностью отозвался на предложение брата.

— Разумно, — только и сказал он.

На этом и порешили. Не откладывая, достали все, что хранилось зарытое в яме под полом. Долго и не без споров раскладывали на столе золото на две рав-

ные кучи. У каждого на такой случай давно припасен мешок из сыромятной лосиной шкуры. Но прежде чем сложить свои доли, решили договориться про остальное. То золото, что было в Перевальном, разногласий не вызвало — возвратятся в село и поделят.

Ссора возникла при дележе жилы. Пока геологи доищутся до нее, Елизовы не собирались терять времени: нужно добыть из жилы все, что успеется. Золото в залежи распределено неровно: верхняя часть богаче, нижняя — беднее. Кинули жребий. Худшая, нижняя часть жилы досталась Роману. Жребий жребием, а такое положение его не устраивало, и он стал требовать прибавки к своей доле из Степановой кучи золота.

— Поделили ровно. На том и быть, — не соглашался Степан.

Тогда Роман, прежде чем брат понял его намерение, руками сгреб обе кучи и ссыпал золото в свой мешок.

— Вот так будет по совести, — заявил он.

Но Степан был не из тех, кто легко поступает своими правами. Щелкнул затвор берданы, и не успел Роман смекнуть, в чем дело — пуля продырявила бревенчатую стену. В спешке Степан выстрелил не целясь. Изба наполнилась дымом. Роман быстро ухватил свою берданку, мешок с золотом и выскочил за двери. Степан тоже покинул избу — остаться осажденным он не хотел.

С этих пор братья начали охоту друг на друга. Каждый выбрал в зарослях леса удобное место и не сводил глаз с подступов к золотой жиле. Продрогшие, голодные, затаились они, сжимая в руках оружие. Их пес — первоначальное имя Саяна было Дабан — не хотел признавать распри между хозяевами, добродушно лаил, бегая от одного к другому. Он был голоден. Каждый подзывал его к себе, но собака никому

не отдавала предпочтения. В злобе оба начали стрелять по псу. Раненый, обезумевший от страха и боли Дабан покинул хозяев и, должно быть учуяв запах людского жилья, приполз на лагерь партии.

Таково было положение, когда на берегу речки появился Гриша. Оба брата заметили рабочего и, конечно, по поведению паренька сообразили, что в шлихах он обнаружил золото. На открытом месте фигура подростка рисовалась слишком соблазнительной мишенью для обезумевших кладохранителей. Выстрел Степана оказался неудачным: выцеливать ему мешали густые ветки кедра; зато пуля из винтовки Романа попала в цель.

После этого оставаться в долине было рискованно. Братья порознь, крадучись, покинули речку. Вернуться в село мешали опасения наткнуться на засаду, устроенную другим. К тому же у каждого был тайник, где хранилось личное золото. Видимо, одни и те же мысли заставили обоих возвратиться назад. Идти прямо в избушку никто из них не решался: нужно вначале убедиться, что поблизости нет ни брата, ни людей из партии.

Роман оказался более беспечным, разложил огонек, надумав побаловаться кипятком. Тут Степан и обнаружил его. Случайно в это же время на костер вышла Наташа и едва не стала жертвой слепой злобы одичавшего Степана. Не склонись она вовремя над убитым — быть бы у костра еще одному покойнику.

Примерно в такой последовательности изложил Швецов события последних дней. Около лагерного костра собрались все. Не вышел из палатки только Виктор. После вчерашнего крупного разговора с начальником партии у него испортилось настроение, и даже тайны золотого клада не заинтересовали его.

Гриша чувствовал себя совсем бодро и сидел тут же у огня на специально устроенном для него ложе

из потников и седел. Он выздоравливал не по дням, а по часам, соревнуясь с Саяном, который уже легко бегал на трех лапах.

— Какие-то вовсе дикие события, — первой заговорила после длительного молчания Валентина Гавриловна. — Сколько крови вокруг этого золота! Мне казались невероятными происшествия, записанные в отчете Лисковского. Я думала, что там сильно украшено домыслом. А здесь произошло еще нелепее: человек убивает брата ради золота, которое ему и не нужно совсем. Как подумаю про Наташу — у меня мороз по коже.

— Ничего же не случилось, мама, — поспешила утешить ее дочь.

— Ну, у меня, кажется, во рту совсем пересохло после разговоров, — сказал Швецов, придвигая к себе чайник с густой заваркой.

Петр подал ему чистую кружку.

— Эта тяга к золоту похожа на болезнь, — медленно произнес следователь, прихлебывая из кружки смолисто-густой чай. — Не знаю, известно ли врачам такое заболевание. Они бы, конечно, назвали его каким-нибудь диким словом.

— Аурумманья, — поспешно подсказала Наташа.

— Вот, вот, — согласился Швецов. — Есть такие бациллы — этой золотомании. Они-то и съели Елизовых заживо. Сейчас Степан кажется нормальным. Я думаю, он даже искренне огорчен случившимся и ему жаль убитого брата. Говоря банально: он раскаивается в содеянном. Словами он этого не скажет — в его лексиконе и слов таких не сыщется, а по лицу видно. Если можно так сказать, он сейчас приходит в себя, словно после летаргии, и рассказывает он все не скрывая, будто хочет облегчить себе совесть или душу, как в старину говорили. Упорствует только в одном: не показывает место, где в Перевальном зары-

то золото. Как только речь заходит об этом, у него в глазах будто огонек загорается.

— Не понимаю: зачем они прятали это золото? — спросила Наташа.

— Хотели богатыми, миллионщиками стать, — серьезно объяснил дед Кузьма. — Мечтали про себя.

— Глупые мечты, — решила Наташа. — Это все равно, что мне мечтать стать принцессой. — Гриша, ты хочешь быть миллионером? — смеясь, спросила она.

— Вот уж они никогда не заболеют этой болезнью. Почвы нет для бациллы, — задумчиво произнес следователь, указав глазами на сидящих в стороне Гришу и Наташу.

— А вы уверены, что это именно рудаковское золото? — спросил капитан Снитко, обращаясь ко всем сразу.

— Конечно, — отозвался Павел Осипович. — Все описания совпадают.

— Кроме одного: рудаковская жила на Большой тропе, а эта совсем в стороне, — возразила Валентина Гавриловна.

— Кажется, эту загадку мне удалось разрешить, — ответил Братов. — Вчера на обратном пути я внимательно осмотрел тропу, не ту, что в долине речки, а основную, в долине Каменной. Она перед каньоном идет по террасе и обрывается за два километра до устья рудаковской речки. Вот здесь, мне думается, и весь секрет. Смотрите, как выглядят верховья Каменной. — Для наглядности Павел Осипович начертил на земле часть карты. — Прямо уходит вершина Каменной, — пояснил он. — А вправо рудаковская речка. Большая тропа проложена по основной вершине Каменной. Вот на этом участке она переходит на другой берег. Вода все время подмывала тер-

расу, и тропа отступала к склону. Кончилось тем, что террасу размыло. Это случилось незадолго до того, как сюда пришел Рудаков, то есть в то время, когда про Большую тропу начали забывать и мало кто знал хорошо, где она должна быть. Рудаков случайно забрел в левый приток Каменной, вышел здесь на удобную звериную стезжку, принял ее за Большую тропу и, идя по ней, наткнулся на золотую жилу.

— При чем же здесь размытая терраса? — спросила Валентина Гавриловна. — Непонятно.

— Очень просто. Если бы терраса не была размыта, Рудаков видел бы, что настоящая Большая тропа перешла на другой берег, и не сказал бы, что золото залегает поперек нее. А Лисковский, имея под руками карту, не подумал искать золото в боковых речках — он разыскивал Большую тропу, на карте же она начерчена вдоль реки Каменной.

— Мне еще одно не понятно, — сказала Валентина Гавриловна, обращаясь к Швецову, — каким образом вы так быстро сумели добраться к нам, словно сидели в Перевальном, поджидая случай.

— А почти так и было, — ответил следователь, и, встретившись взглядом с Наташей, заговорщически улыбнулся девочке. — Вот благодаря ей — нашей помощнице.

Валентина Гавриловна неодобрительно посмотрела на смущенно улыбающуюся дочь.

— И тут без нее не обошлось! Что она там натворила?

— Ничего я не натворила, мама. Просто нашла на месте пожара кусок сплавленного стекла. Вот и все.

— А после этого стекло попало в руки Речинова, — продолжал Швецov. — Ему показался подозрительным вес стекла. Он разбил его и нашел в середине золото. Узнал, откуда находка, и от нетерпения в ту

же ночь пошел с сыном на пожарище отыскивать место, где просыпалось остальное золото из бутылки. Они намыли почти с пуд песку. Утром Речинов позвонил в район. Вот мы и выехали.

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ

Н

очью сильно похолодало, и сейчас, несмотря на позднее утро, в тени на поникшей траве поблескивал нерастаявший иней. Наташа держит в поводу заседланную кобылицу. Гнедуха нетерпеливо бьет передней ногой в землю и косится в сторону на других лошадей. Наташа в новой голубой шапочке, которую Гриша никогда

раньше не видел, в синем свитере. Вид у Наташи нарядный; сама она счастливая и чуточку грустная. Гриша стоит рядом и, не обращая внимания на прыгающего вокруг Саяна, машинально играет с ним здоровой рукой. Подле Наташи лежит Байкал, он вяло поводит ушами и одним глазом косит на близко топчущиеся ноги лошади.

Солнце давно поднялось над горами; воздух прозрачный и чистый; крутые склоны гор кажутся осо-

бенно рельефными, близкими; трудно поверить, что каменные осыпи, широкими шлейфами спускающиеся вниз к границе леса, состоят из огромных глыб, а не из мелких песчинок. В воздухе разлит тот особый, почти неуловимый, аромат осени, какой бывает только в горах. Обмелевшая речка мерно струит свой нескончаемый грустный напев.

Отъезжающие давно готовы. Из палатки вышел Степан Елизов. Ослепленный ярким светом, он щурит глаза. Вид у него безнадежно придавленный. Елизов удивленно и внимательно исподлобья смотрит на всех, словно впервые видит живых людей. Вот они, те, кого он недавно почитал за непрощенных недругов. Руки ему давно развязали, его никто не конвоирует.

— Некуды мне бежать, — угрюмо сказал он сам, когда его вели в лагерь.

— От себя не убежишь, — подтвердил Швецов, смутно догадываясь о невеселых мыслях убийцы, и развязал руки.

Саян, увидев своего прежнего хозяина, перестал играть, подошел к Степану. Тот положил на голову собаке большую тяжелую ладонь. Гриша ревниво наблюдал эту сцену. Саян останется на лагере — это решено, но прежние симпатии собаки тревожили мальчика. Неожиданно Елизов поднял голову и посмотрел на Гришу. Только сейчас Гриша разглядел его лицо как следует: густые, немного поседевшие волосы наполовину закрывают широкий морщинистый лоб, нижняя часть лица спрятана в черной бороде, над усами поднимается только крупный мясистый нос. Но все это: лоб, нос, борода — словно в тени — на Гришу смотрят одни глаза, большие, внимательные и безнадежно тоскливые, с повисшими на ресницах прозрачными каплями скупых слезинок. Степан робко, виновато приблизился к мальчику и сказал:

— Ты, паря, того, собаку береги — она тебе другом будет. — И, немного помедлив, глухим сдавленным голосом спросил: — Спина-то как? Заживает? — сказал и сразу отвернулся, и шершавыми пальцами протер затуманенные тоской глаза.

Наташа смотрит на Елизова зло и удивленно, словно хочет спросить кого-то: «Неужели такие люди бывают? Откуда они берутся?»

Все сели на коней, только Наташа медлила. Саян заметался между Гришей и отъезжающим Степаном. Вначале побежал за караваном, потом возвратился назад, попрыгал вокруг Гриши, встревоженно лая, снова метнулся за удаляющимися лошадьми, остановился посередине, с укором залаял в обе стороны.

— Саян, Саян! — крикнула Наташа.

Пес возвратился назад и сел у ног Гриши. Больше он не убегал, только чуть слышно скулил, прислушиваясь к затихающему цокоту подков.

Наташа проверила подпруги и поправила положенную поверх седла ватную тужурку.

— Смешная бабушка, — сказала она, — вторую телогрейку мне отправила, будто я на северном полюсе. А у самой не осталось.

— Не забудешь, Наташа? —

~~Наташа~~ разве

Наташа, захваченная радостью предстоящей поездки, сразу пустила лошадь в рысь и, только отъехав немного, обернулась назад с такой счастливой улыбкой, что не ответить ей тем же было невозможно.

